

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР¹

План ГОЭЛРО и пятилетка

Товарищи, если просмотреть мировую литературу о плане, о плановом строительстве хозяйства, о том или ином подходе к построению социализма, то вы увидите, что написаны целые горы. Но есть, товарищи, литература и литература. Лига Наций по поводу разоружения написала 14.000 листов, но эти листы, эта литература подвергнется только грызущей критике мышей. А есть такие творения лучших человеческих умов, есть работы коллективов, которые вырублены из жизни, которые двигают и толкают жизнь. Так вот, товарищи, то, что сейчас демонстрируется перед вами, не относится к простой литературе. Это создано громадным коллективом, это выросло на почве работы лучших умов человечества, восприняло в себя руководящие идеи творцов коммунизма, марксизма, выросло на громадном хозяйственном опыте нашей страны, на совершенно своеобразном опыте, в котором нет для нас препятствий для использования работников любых квалификаций, для использования самого многостороннего опыта практического строительства, в громадном, неслыханном для истории масштабе.

Мы только что выпустили из печати полторы тысячи страниц нашего коллективного труда. А мы уже чувствуем, что основные ставки того строительства, которое мы разворачиваем на страницах этих трактатов, уже широко известны стране. Пройдет еще короткий срок и каждый рабочий, каждый крестьянин будут знать, что означают эти ставки нашего строительства. Эти основные цифры будут стоять твердо в памяти, как основные вехи, на которых должно быть сосредоточено все внимание нашего актива, потому что от выполнения этих ставок зависит все наше грядущее.

Рабочие и крестьяне будут твердо помнить, что, исполняя заветы Ленина, мы хотим нашу страну сделать электрической, что 22 миллиарда киловатт-часов производства электроэнергии к 1932/33 г., это — основная ставка нашего пятилетнего плана и что ее нужно во чтобы то ни стало выполнить. Рабочие и крестьяне будут знать, что мы даем громадный подъем тому, что мы называем хлебом про-

¹ Полный текст доклада на V съезде советов СССР.

мышленности — топливу; они будут помнить, что мы хотим поднять продукцию нашего каменного угля с 35 млн. тонн до 75 млн. тонн ежегодной продукции. Отчетливо будут знать рабочие и крестьяне, что нефть, то, что называется черным золотом, не забыта нами, что мы хотим поднять продукцию этой нефти с нынешних 11—12 млн. тонн почти вдвое — на 22 млн. тонн. Также отчетливо будут они помнить и знать, что в одной из самых сложных производственных задач — в черном металле — продукция должна быть поднята не менее, чем до 10 млн. тонн.

С такой же отчетливостью страна будет знать, что мы идем навстречу нуждам химизации, что мы поднимаемся от ничтожного уровня — 500 тыс. тонн разнообразных химических туковых удобрений до 8 и более млн. тонн. Также отчетливо и твердо будет знать страна, что для того, чтобы освободиться от кабальной зависимости от опередивших нас индустриальных стран, мы будем создавать собственные машины и поднимем продукцию общего машиностроения до стоимости в 2 миллиарда рублей. Одно из крыльев этого машиностроения, быть может, решающее, — производство сельскохозяйственных машин, будет поднято до годичной продукции, по стоимости равной 610 млн. руб., т.-е. будет почти утроена современная продукция.

И по другой линии, не менее важной, товарное производство хлебов, дающее ныне всего около 8 млн. тонн, будет поднято не менее, как до 20 млн. тонн.

Рабочие и крестьяне уже знают громадность задуманного хозяйственного строительства; цемент — основа строительства. Его производство будет доведено до 40 млн. бочек в год.

Наконец, по линии транспорта мы пойдем с такой постройкой новых железных дорог, которая, примерно, равна созданной за все революционное прошлое; мы дадим нашей сети еще около 18—20 тыс. км новой железнодорожной сети. Эти основные ставки и цифры должны быть и скоро будут крепким достоянием сознания каждого активного работника нашей страны.

Товарищи, заранее можно знать, что многие, особенно за нашим рубежом, объявят эти ставки неслыханными, будут говорить, что это фантазия, измышление. По масштабу буржуазных государств, по всему их прошлому, по всему тому, что знала человеческая история в области хозяйственного строительства, таких темпов, такого движения, такого броска вперед никто не делал, никто им и не задавался.

Но, товарищи, нам не привыкать-стать к насмешкам, к недоверию тех, которые не видят нашей действительности, не желают видеть ее, для которых вся наша действительность представляется фантастикой. Мне вспоминается такое же недоверие 8 лет тому назад, когда мне пришлось впервые выступать здесь же, с этой трибуны с планом электрификации страны, планом государствен-

ной комиссии по электрификации (сокращенно — планом ГОЭЛРО). Вы помните, какое это было время. Страна еще находилась под военной грозой, мы еще продолжали скатываться вниз, в бездну глубочайшей экономической разрухи. И вот, по директивам партии, был составлен первый перспективный хозяйственный план. Мы собрали тогда горстку лиц, научно-технических работников, и под непосредственным руководством Владимира Ильича, по прямым директивам нашей партии попробовали разобраться в том хозяйственном хаосе, который нас окружал, попробовали апеллировать к завоеваниям науки и техники и к тому рабоче-крестьянскому активу, созидательную силу которого мы, вопреки разрухе и войне, видели и ощущали. В этом плане мы смело набросали очерк нашего будущего, рисунок того строительства, которое мы, с нашей точки зрения, могли и должны были осуществить. И немедленно раздались насмешки: говорили, что это не план электрификации, а план „электрофикации“, говорили, что это поэзия, творчество, далекое от действительности.

21 декабря 1921 г. этот план ГОЭЛРО был утвержден Совнаркомом. Минимальный срок его выполнения был намечен в 10 лет. Теперь, говоря вам о пятилетке, я подвожу итоги возможного по нашим новым нынешним расчетам строительства, как-раз к тому же сроку, к которому, как и минимальному, был приурочен весь план ГОЭЛРО. И вот посмотрите, как теперь, умудренные опытом, с большими фактическими достижениями, опираясь не только на творчество группы научных работников, не только на работу „сверху“, но опираясь на действительный опыт жизни, на работу многомиллионного „низового“ коллектива, мы в целом ряде решающих направлений в сущности только воспроизводим ставки того же плана ГОЭЛРО. Мы это сейчас подтвердим.

Прежде всего, пару слов, чтобы объяснить смелость ставок плана, больших цифр его строительной программы. Мы держим в своих руках хозяйственный механизм, исполненный таких сил, которых человеческое общество не знало. Мы живем в стране, которую, впервые в мире, управляет диктатура пролетариата. Мы живем в стране, в которой не имеется никаких препятствий для того, чтобы воплощать в жизнь наиболее развернутый фронт знания, не считаясь ни с какими перегородками, которые может ставить частная собственность или корысть капиталиста.

Что показывают нам простые, точные, научные расчеты? Уже один факт перехода в общественную собственность орудий и средств производства дает нам громадную экономию. Простые и многоговорящие цифры: крестьянство в ипотечных платежах, арендных и банковских, вследствие устранения помещиков и землевладельцев, экономит из года в год свыше 300 млн. руб. Устранение непроизводительного потребления верхней части общества, буржуазной верхушки тузов-капиталистов, по самым осторожным подсчетам, дает не менее

600 млн. руб. годичной экономии. Освободившись от грандиозной зависимости по уплате военных и всяческих других иностранных долгов, в которых запуталось царское правительство, мы будем иметь из года в год экономию не менее 500 млн. руб. Уничтожив огромную пиявку военного хозяйства царской России, где хищения господствовали как ни в одной другой хозяйственной области, поставив нашу оборону на совершенно иные рельсы, мы экономим не менее 500 млн. руб. из года в год. Подсчитайте общую сумму — это не менее двух миллиардов рублей в год, это — около одной седьмой части всего годичного довоенного народного дохода. Вот что дала нам Октябрьская революция, вот, какие огромные материальные средства мы получили, как добавочные средства для развертывания хозяйства, при чем для развертывания на новой более совершенной основе, на основе планового режима.

И вот, товарищи, действительность показала, что вопреки трудностям налаживания планового хозяйства, ибо оно не дается сверху, а завоевывается всем нашим трудовым коллективом в процессе непрестанной борьбы за план, эти огромные завоевания, которые возможны лишь при победе диктатуры пролетариата, мощно дали себя знать. Действительный ход хозяйственных событий показал, что эти плюсы, при наличности востребованной воли к труду у рабочих и крестьян, дают возможность ставить такие большие ставки в наших перспективных хозяйственных планах. Вспомним эти основные ставки. План ГОЭЛРО был планом электрификации. Тов. Рыков приводил уже справку, что по этому плану намечалось построить 30 районных электростанций общей мощностью в 1.750 тыс. киловатт. В пятилетке мы идем уже не с 30 электрическими станциями, а с 40. Мощность их значительно превосходит мощность, намеченную раньше (от 2.500 до 3.000 тыс. киловатт).

Что это означает?

Действительность показала, что нажим ГОЭЛРО на электрификацию был правилен, что он не только не был преувеличен, а как раз наоборот. Не рассуждения, а прямые ответы на запросы по электроснабжению мест, важнейших районов, важнейших отраслей народного хозяйства вынуждают нас теперь идти в этом деле далее и решительней. В общем и целом, однако, мы идем по строительству районных станций как раз в тех местах, которые были намечены по плану ГОЭЛРО. Новые станции пятилетки лишь уточняют этот проект, ограничиваясь в большинстве случаев лишь увеличением первоначально намеченных мощностей.

А вот другая важнейшая строительная хозяйственная линия — металл. Я прямо прочту вам, каким образом мы рассматривали программу черного металла в плане ГОЭЛРО. Вы увидите, как сейчас новая проработка вопроса поразительно близко подвела нас к тем же величинам, какие мы намечали в 1920 г.: „В программу производительности ближайшего десятилетия должно быть поставлено увели-

чение выплавки Южного района до 5 млн. тонн. Это увеличение может быть достигнуто полным использованием оборудования существующих заводов, расширением таковых (между прочим Керченского) и устройством нового крупного завода на 670—750 тыс. тонн около Александровска. Урал может дать при добавочном снабжении донецким и кузнецким углем до 25 млн. тонн, Центральный район — до 417 тыс. тонн и Северный такое же количество. Для обслуживания Сибири следовало бы развить металлургическую промышленность в Кузнецком бассейне. В сумме выплавка чугуна должна быть доведена в ближайший срок до 8.400 тыс. тонн в год, при чем придется прилагать все усилия для дальнейшего увеличения этой нормы“.

Десять миллионов тонн чугуна пятилетки — это 600 млн. пудов. Вы видите полное совпадение ставки нашей пятилетки с планом ГОЭЛРО, ибо в ГОЭЛРО говорилось, что 8.400 тыс. тонн чугуна будет мало. По пятилетке Украина должна дать 6 млн. тонн чугуна, и сличая разверстку по местам и по характеру строительства в обоих планах, вы увидите полное совпадение.

Посмотрим дальше, что мы говорили о топливном центре — Донецком бассейне. Мы говорили в 1920 году, что надо довести добычу Донбасса с опорой на крупные шахты до 47—50 млн. тонн. Посмотрите, как сейчас намечаем: 54 млн. тонн угледобычи Донбасса по пятилетке — это в переводе на пуды соответствует задаче поднять угледобычу Донецкого бассейна — до 3 миллиардов пудов.

По добыче торфа намечалось получить не менее 1 миллиарда пудов (около 17 млн. тонн). Мы делаем в нашей пятилетке ставку на 16—18 млн. тонн торфа. Также поразительно совпадение и по черной руде — в обоих планах 20 млн. тонн. Уже эти справки показывают, что ставки нашей пятилетки в общем и целом близки к наметкам плана ГОЭЛРО. А их можно было бы значительно продолжить.

По плану ГОЭЛРО предвиделось громаднейшее расширение туковой удобрильной промышленности, фосфоритной муки, фосфоритных и азотистых удобрений. Там говорилось о большом строительстве государственных совхозов, при чем предвиделся длительный путь для выправки их хозяйства. О чем это говорит? Над этим следует задуматься. Это говорит о том, что мы имеем поразительное совпадение научного анализа, того анализа, который был нашим преимущественным средством в ту пору, когда мы писали план ГОЭЛРО с данными тех больших и сложных расчетов, которые мы могли пустить в ход при выработке пятилетки. Изучая ее полторы тысячи страниц, вы увидите, какая работа на этот раз проделывалась, работа по преимуществу учета фактического хозяйственного опыта, учета дискуссий с работниками мест, опиравшимися прежде всего на то, что свидетельствует им сама их хозяйственная деятельность.

Ставки пятилетки вырублены из самой жизни. Поразительное совпадение творчества научной мысли, ее предвидения, с тем опытом, который фактически проделывался нами за эти поучительные великие годы нашей хозяйственной жизни! Пусть маловеры призадумаются над этим обстоятельством. Оно должно показать им, что мы были правы, когда были уверены, что сможем, опираясь на особые условия нашей страны, создать такую необычайную спайку между работой теоретической научной мысли и фактической хозяйственной работой на местах, которой еще мир не знал и не мог знать, — мир, живший в условиях противоположения труда и капитала, мир, знавший науку, направленную на служение интересам лишь горстки верхов, — мир капиталистический. Все это вселяет в нас бодрую уверенность, что мы идем по правильному пути.

Товарищи, Владимир Ильич назвал план ГОЭЛРО второй программой партии. Это мы с еще большим правом можем сказать относительно пятилетки. Здесь еще более достоверности в прощупывании, в опытной проверке строительства хозяйственных основ социалистического общества.

Совпадение пятилетки по основным решающим вехам с планом ГОЭЛРО, который не без основания назывался планом Ленина, говорит, что в хозяйственном разрезе мы идем по ленинским вехам. На ряду с этим как зеницу ока мы будем блюсти основную программу партии, партии, созданной тем же Лениным. Мы идем по пути, который как бы с двух сторон огражден вехами, поставленными гениальной и твердой рукой Владимира Ильича. С тем большей уверенностью мы пойдем по этому пути в дальнейшем, какие бы трудности и препятствия нам не встретились, какие бы насмешки на нас не сыпались. Мы знаем, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы все твердо будем стоять у хозяйственного руля и великим показом докажем, что в нашей стране впервые строится не теоретический, а подлинный социализм — строится действительное господство трудящихся над всеми стихиями, обеспеченное мощным материальным базисом.

Энергетические ресурсы

Товарищи, по соглашению с тов. Куйбышевым, наши доклады распадаются на две части. На мою долю из области промышленной приходится и энергетика, т.е. топливо и электрическая энергия, иными словами все то, что обеспечивает работоспособность промышленности. Энергетика, сказать попросту, это — работоспособность. Громаднейший раздел промышленности будет докладывать тов. Куйбышев, и мне надо быть очень осторожным, чтобы не затронуть его темы. Все остальные части хозяйства по условиям времени мною должны быть доложены в самой краткой форме.

Итак, позвольте мне начать прежде всего с основного, с хлеба промышленности — топлива.

Товарищи, если мы посмотрим, как развивалась наша промышленность то мы, прежде всего, увидим, что пути ее развития шли как бы по линиям топливных ресурсов, в меру того, как мы могли развивать использование природных ресурсов топлива. Первая промышленность нашей страны была развита в Центрально-Промышленном районе и на Урале потому, что здесь были огромные лесные богатства.

Громадное развитие нефтедобычи в период конца 80-х и начала 90-х годов повлекло развитие промышленности на Волге до ее верховьев. Ленинград шел на иностранном импортном угле. Нечего говорить, что вся промышленность нашего Юга базировалась на громадной базе Донецкого бассейна.

Не надо забывать, что в грядущее пятилетие как-раз в этой области наступают решительные сдвиги. Теперь, более, чем когда либо, для того, чтобы проследить судьбы индустриализации, мы должны отдавать себе ясный отчет в развитии базы индустриализации, в производстве хлеба для промышленности — топлива. Какие же это сдвиги? Прежде всего широкое получение импортного угля для нас исключается, по понятным для вас соображениям. Леса наши для дровяного использования мы должны щадить. У нас огромная строительная программа, и требования деловой древесины громадны. Мы должны поднять годичную продукцию одной деловой древесины с 60 млн. куб. метров вдвое, а лесные районы, находящиеся вблизи, сильно вырублены. Мы должны найти специальные транспортные средства для развертывания новых лесных районов, крайне необходимых не только для внутренних строительных надобностей, но и для мощного подема лесного экспорта.

Я еще не сказал, что теперь мы идем в наши леса с задачами крупной, специально лесной, химической и механической промышленностями. Должен еще подчеркнуть, что движение современной технологии показывает нам, что древесина и в дальнейшем будет играть главную роль не как топливо, а как предмет самой разнообразной, многообещающей механической и химической переработки.

Наконец, нефть. Мы должны всячески беречь ее от грубого топливного использования, как продукт, необходимый для разнообразных переработок, как основу экспортных товаров величайшей важности. Донецкий бассейн со своим углем уже 4—5 лет находится в таком напряжении, когда мы с величайшей осторожностью должны намечать этапы его дальнейшего развития, чтобы это напряжение не перешло в перенапряжение.

Как видите, товарищи, топливные предпосылки у нас другие, чем были прежде. Вопросы топлива приобретают колоссальную, быть может решающую, роль для успехов всей задуманной нами хозяйственной программы.

Можно ли вообще считать, что эта программа реалистична в том смысле, что наши основные топливные ресурсы обеспечат на-

меченные темпы индустриализации. Имейте в виду, что мы сравниваем одно топливо с другим по его теплотворным способностям. Мы переводим одно топливо в другое, приравнивая его примерно к среднему донецкому углю. Донецкий уголь определяется в 7.000 теплотворных (калорий) в килограмме. Этими условными единицами мы измеряем мощность всех наших топливных ресурсов, переводя их в одно измерение.

Каков же наш природный запас всего топлива в этих условных единицах? Он определяется огромной цифрой в 600 млрд. тонн. Мы подходим с такими скромными по отношению к этому запасу потребностями топлива из года в год, что страховка и перестраховка здесь колоссальные.

По пятилетке, к концу ее, мы будем расходовать в год для всех производственных надобностей всего около 100 млн. тонн условного топлива.

Но как распределяются по родам топлива наши природные ресурсы? Почти 90% приходится на разные каменные угли, 8% падает на торф, 1% падает на нефть и немногим более 1,5% приходится на дрова. Таким образом, решающее значение имеют угли: 90% всего природного топливного запаса. Но когда мы переходим от общей разведки природных ресурсов к таким ресурсам, которые мы уже нащупали более основательно, которые мы можем назвать промышленными ресурсами, — потому что по расчетам наших техников и экономистов наличность их прочно установлена и они расположены выгодно для промышленного использования, — то тут перед нами разворачивается поразительная картина. Оказывается, что как каменный уголь, так и торф, так и нефть — эти основные части нашего топливного баланса, — мы знаем по промышленно разведанным ресурсам только в трех процентах их естественных богатств. Только леса — наше старейшее топливо — разведано промышленно в одну треть, а во всех остальных частях промышленная разведка охватывает только 3%. Это сразу показывает, где самое слабое место на топливном фронте. Это говорит о том, что одна из важнейших задач предстоящего пятилетия — закрыть эти „ножницы“ между общей и промышленной разведкой, броситься с величайшей энергией на такую разведку, которая бы нам позволила проектировать развитие топливной промышленности, постановку наших фабрик и заводов в расчете на твердые источники топлива, их хлеба, их основного хлеба. Оказывается, например, что в Донском бассейне, который, казалось бы, должен быть хорошо разведан, что в этом Донском бассейне мы сейчас еще принуждены ставить шахты не так, как этого требует горнозаводское дело, не с такой степенью достоверности в смысле разведанности каменноугольных пластов, как этого требуют наука и практика. А что же сказать про нефть? При ставке на 22 млн. тонн ежегодной добычи мы для 6 млн. тонн должны будем искать новых месторождений.

Сейчас я попрошу на карте осветить топливдобычу.¹ Зеленым светом здесь освещено то, что связано с торфом. Особенно ясно вы видите эти большие белые блески угольных шахт. В Европейской части это — Донецкий бассейн, в Сибири — Кузнецкий бассейн. Внизу в трех черных квадратах изображена относительная мощность трех главных по мощности угольных бассейнов. Первый в 64 миллиарда тонн (а некоторые утверждают в 66 млрд. тонн). Это — наш Донбасс. Второй громадный квадрат графически сопоставляет 400 млрд. тонн угля Кузнецкого бассейна. И третий квадрат — это Прибайкальский Иркутский угольный район, который определяется по мощности ресурсов в 50 млрд. тонн.

Я останавливаюсь сразу на угле, ибо, как я уже объяснял, уголь составляет 90% всех наших топливных ресурсов. На что же мы здесь должны обратить особое внимание? Вы видите, что соотношение сил по природным ресурсам Кузнецкого и Донецкого бассейнов таково, что Донецкий бассейн, примерно, в 6—7 раз меньше, чем Кузнецкий бассейн. Тем не менее всесоюзной кочегаркой и на это пятилетие остается Донецкий бассейн, ибо это бассейн освоенный, стоит на прочных рельсах, тогда как Кузнецкий бассейн, этот молодой мощный гигант, мы вновь должны разворачивать, раскрывать. Вы видите, что этими сигналами с особенной яркостью освещается Донецкий бассейн.

Какова же программа работ в Донском бассейне? Я в беглых чертах останавлиюсь на ней, чтобы вы представили себе размеры наших строительных работ здесь, в этом важнейшем индустриальном пункте.

Нынешняя продукция Донбасса — 27 млн. тонн, а нам нужно для того, чтобы свести концы с концами, при 30-процентной экономии топлива, отсюда получить не менее 53 млн. тонн — почти удвоение. Что это значит? Капиталисты строили старый Донбасс в течение 40 лет. Ныне мы уже превзошли довоенную угледобычу Донбасса. Теперь мы хотим ее удвоить. Стало быть, в течение 5 лет мы хотим здесь сделать то, что капиталисты сделали в течение 40 лет. Это огромное, напряженное задание. Вы знаете, как напряженно работает наша всесоюзная кочегарка теперь, как трудно дается ей осуществление очередной строительной программы, по которой мы за последние 3 года вложили здесь около 300 млн. руб. Мы должны были по Донуглю построить 13 новых крупных шахт, 4 крупнейших шахты сильно переоборудовать. Пока что мы еще не развернулись здесь с крупной реконструкцией. Нам трудно было развернуть неокрепшим индустриальным механизмом ту строительную программу, которую мы разработали, как вы слышали, уже 8 лет тому назад.

В это пятилетие мы должны будем так развернуть программу нового крупного шахтного строительства, чтобы поднять угледобычу.

¹ См. прилагаемую карту.

обеспеченную прежней программой работ лишь до уровня в 41 млн. тонн, — до 53—54 млн. тонн. Каждый год нам нужно закладывать от 10 до 12 новых крупных шахт. Мы одновременно должны будем приступить к программе большой реконструкции существующих шахт, по крайней мере, 40—50 крупнейших шахт. А ведь крупная шахта строится $3\frac{1}{2}$ — 5 лет, переоборудуется — 2—3 года. Вот какое крупное шахтное строительство необходимо здесь. На одни жилища придется израсходовать около 300 млн. — вы знаете, как остра здесь жилищная нужда. Нам нужно покончить также с электрическим голодом в Донбассе — до сих пор электрическое снабжение здесь находится в тисках. По-новому, крупнейшим строительством, придется разрешить и водный вопрос, от которого задыхается все хозяйство и все население Донбасса. Программа строительных работ потребует от нас свыше одного миллиарда рублей. Но не в этом миллиарде дело. Дело в том, что до сих пор мы еще никогда на столь ограниченной территории не развертывали такого грандиозного строительства с таким срочным и ответственным заданием. Труженики Донбасса должны помнить, что от их работы в это пятилетие буквально зависят судьбы основных индустриальных центров. Донбасс по-прежнему останется главным питающим топливным центром. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы облегчить нагрузку Донбасса, развивая местное топливо, рационализируя потребление топлива. Однако, если мы и сведем Донбасс по процентной доле среди угольных районов на 7 пунктов ниже, то тем не менее для Центрального и Ленинградского районов много больше половины промышленного топлива по-прежнему будет углем Донбасса.

Вы должны знать, что природные условия залегания угольных пластов Донецкого бассейна неблагоприятны. Отношение породы пустой к угольным пластам плохое: — 0,13% угленосности. В бассейне — 200 угольных пластов и „пропласток“, но пласты тонкие, часто выклиниваются (там мы считаем промышленными пластами полуметровые пласты).

Казалось бы, что легче всего, скорее всего разгрузиться переходом на Кузнецкий бассейн. В нем громадные природные преимущества: сумма угленосных пластов Донбасса — 28 метров, сумма угленосных пластов Кузбасса — 100 метров. В 10 раз больше угленосность (1,3%), значительная часть пластов имеет среднюю мощность 2 метра с колебанием от половины до 16 метров, залегания пологие, ближе к поверхности земли. Калорийность 8.000 против 7.000 Донбасса. Угли, приближающиеся к лучшему английскому углю „кардиф“, чистые, не выветриваются. Есть замечательнейшие угли в Кузнецком бассейне — „томиты“. Это почти концентрированная нефть, такое огромное богатство в них летучих веществ. Есть великолепные коксующиеся угли.

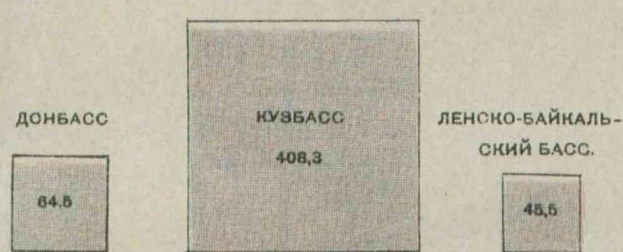
И, тем не менее, мы не можем рискнуть довести за пять лет угледобычу Кузнецкого бассейна до размеров, превышающих

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

Масштаб
100 0 100 200 300 км.

ЗАПАСЫ УГЛЯ (В МИЛЛИАРДАХ ТОНН)

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА С. С. С. Р.

(ВАЖНЕЙШИЕ ОБЪЕКТЫ КРУПНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА)

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Электростанции

- существующие и расширяющиеся
- вновь строящиеся

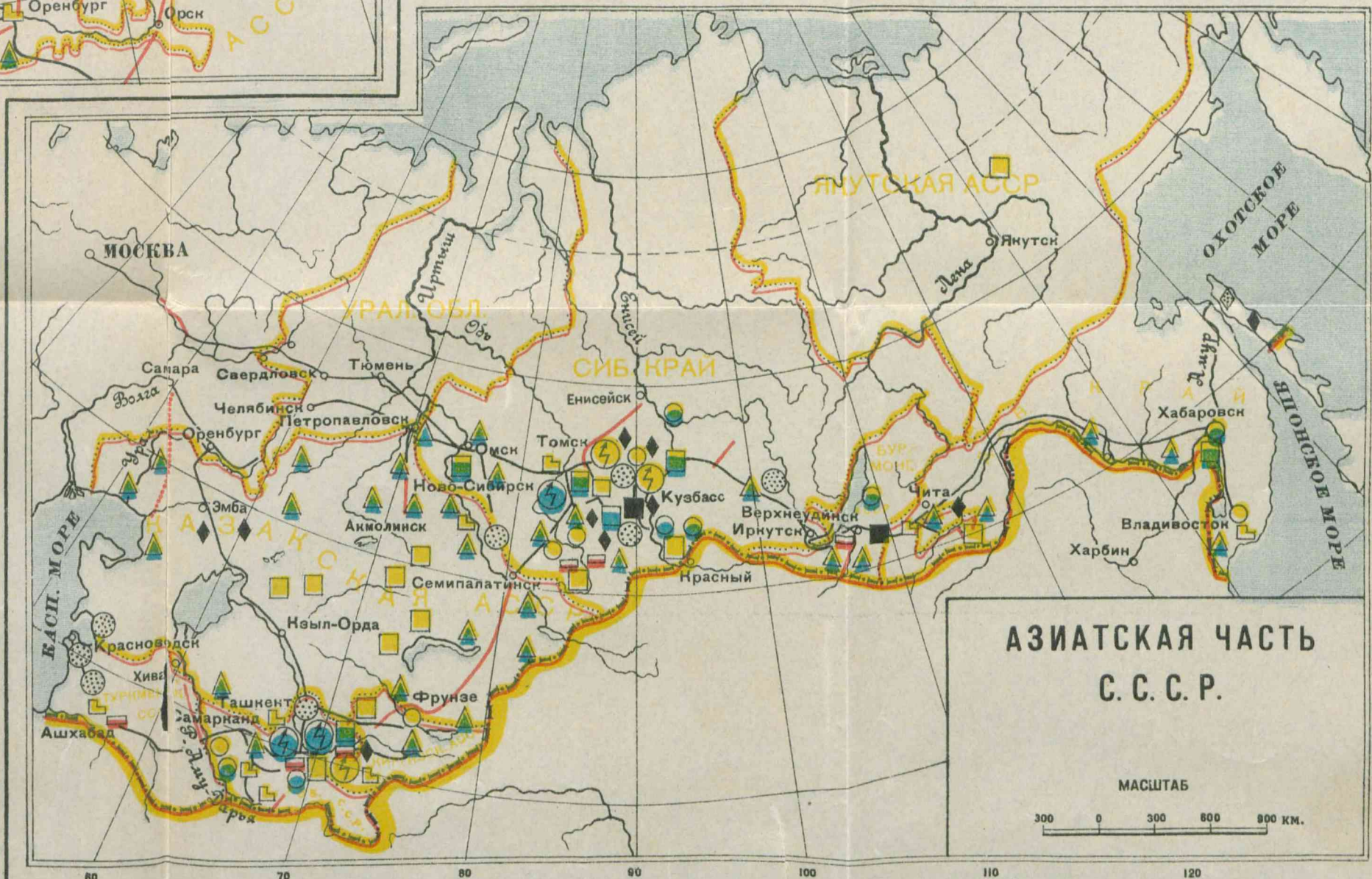
красный цвет — теплоэлектроцентрали
желтый — на угле и др. топливе
зеленый — на торфе
голубой — гидростанции

Металлопромышленность

- Заводы черной металлургии
- цветной
- общего машиностроения
- сель-хоз. машиностроения
- Химические комбинаты и разн. химзаводы
- Разные заводы

Топливо

- Районы постройки каменноугольн. шахт
- Нефтеперегонные заводы
- Торфобрикетные заводы
- Заводы текстильной промышленности
- строительных материалов
- бумажн. промышленности
- лесопильные и деревообделочн.
- Районы расположения совхозов
- Новые жел.-дорожн. линии
- Нефтепроводы

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ С. С. С. Р.

МАСШТАБ

300 0 300 600 900 км.

утроение нынешнего уровня, равного 2,5 млн. тонн. Мы наметили здесь угледобычу всего в 8 млн. тонн. К этой цифре мы пришли при некотором сопротивлении практических работников, которые утверждали, что и это невозможно. Только тогда, когда мы их убедили в том, что Кузнецкий бассейн при своем развертывании будет центром внимания всего Союза, что сам Донбасс об'явит свое шефство над этим своим растущим преемником, только тогда работники мест и эксперты согласились, что эта программа в 8 млн. необходима и возможна.

На третье место надо поставить не Иркутский район, а то, что сверкает сейчас на карте в центре под Москвой — это так называемый Подмосковский бассейн. Этот Подмосковский бассейн испытывал странные судьбы. Расположение его, как вы видите, в смысле близости к основному индустриальному центру идеально — он в непосредственной близости к красной пролетарской столице Союза. Разведки его, которые охватывают ничтожную долю бассейна (из 25.000 км всего только 500 км) показывает, что хотя залежание подмосковского угля не является сплошным (он лежит гнездами) тем не менее, есть и большие гнезда. Общая мощность его определяется, примерно, в 8 мрд. тонн. Но свойства угля таковы, т.е. считались при прежней технике таковыми, что этот уголь относился к породам самого дурного угля — калорийность в 3.200 калорий, он выветривается на воздухе, сернист. Техники не умели подойти к его использованию так, как подходили к благонадежным сортам донецкого топлива. Однако, современная техника, работы Теплотехнического института и Каширской станции показали, что мы должны по иному расценивать достоинства и возможности использования этого подмосковского угля. Мы научились его прекрасно сжигать, и те исследования, которые мы сделали в заграничных лабораториях, в заграничных производственных центрах, показали, что с этим углем мы пойдем той же дорогой, какой Германия идет с бурым углем. Мы располагаем теперь возможностью для раскрытия Подмосковского бассейна действовать и рычагом электрификации и рычагом химии. Огромнейшее значение Подмосковского бассейна вырастает сейчас особенно потому, что навстречу идут те современные завоевания науки и техники, которые и вообще, по всему хозяйственному строительству, чрезвычайно облегчают наше положение, создают, если можно так выразиться, нам попутный ветер. Подмосковский бассейн — великая страховка на случай всяких осложнений. Отдаленность Кузбасса, напряженность транспортных условий для вывоза из Донбасса угля всякий раз, в случае каких-либо внешних осложнений, заставляют нас особо ценить это огромное страхующее значение Подмосковского бассейна, расположенного вблизи основного политического и экономического центра Союза.

На Урале явственно выделяется Кизел на севере и Челябинский бурый уголь — на юге. Кизеловские угли идут узкой 100-километро-

вой лентой по западному склону Урала. Угли коксующиеся; они, повидимому, имеют неразведанную площадь залегания в ширь своей ленты.

На развитие Подмосковского бассейна раза в 4—5, на переход к крупным шахтам от теперешних кустарных мы должны будем затратить свыше 50 млн. руб. Под'ем уральской угледобычи до 6—7 млн. тонн потребует закладки новых 20 шахт и расходов около 100 млн. руб. Общие вложения в каменноугольное дело за пять лет — 1.300—1.400 млн. руб.

Я не останавливаюсь на других, менее важных угольных бассейнах. Время, возможное для доклада, не позволяет мне развертывать полную картину строительства, и поэтому я останавливаюсь только на самом основном и существенном.

Перехожу от углей к другим видам топлива, но отмечу одно обстоятельство. Мы знаем, что территория нашего Союза превосходит территорию Соед. Штатов не менее, чем в три раза; в геологическом отношении она близка к Соед. Штатам; а между тем оказывается, что мы обладаем 7% мировых запасов угля, а Соед. Штаты обладают 50%. О чем это говорит? Если вы вспомните, что наши угольные богатства, промышленно разведаны только на 3%, то дело становится ясным. Дело в том, что мы просто не знаем наших угольных сокровищ. И действительно, в нашей памяти проходит ряд событий за эти годы, когда мы неожиданно наткнулись на новые угольные бассейны (Печора, Минуса), когда мы должны были заново расценивать известные залежи, поднимать их значение. Это говорит о том, что мы должны будем очень сильно спешить с угольной геологической и промышленной разведкой и если мы израсходуем за пять лет на эту надобность около 100 млн. руб., то этой суммы жалеть не придется. Надо только, чтобы она с толком и во-время пошла на это важное дело.

Что же может притти нам на помощь для того, чтобы по возможности скорее избавиться от напряжения и перенапряжения Донбасса? Конечно, рост Кузнецкого бассейна, особенно в грядущем, даст громадное облегчение. Если мы сумеем подмосковный уголь вскрыть по другому, чем это делалось до сих пор, то мы также получим большую помощь.

Но есть еще, товарищи, огромные топливные богатства, — богатства торфа. Вы слышали, что он занимает после угля второе место среди наших природных топливных ресурсов. Мы — первая страна в мире по нашим торфяным богатствам. Мы считаем, при грубой прикидке, что наш Союз обладает в его европейской части, примерно, 20 млрд. тонн торфа — в переводе на условное топливо, а в части азиатской — еще 30 млрд. тонн. В сумме около 50 млрд. тонн в условных единицах. Вот какую мощь представляет наши торфяные ресурсы.

Что это означает? Это означает, что если бы мы все наше промышленное хозяйство перевели на торф, то мы в течение 350 лет

могли бы питаться этими богатствами. Вся Европа и вся Америка определяют мощность своих торфов всего в 30 млрд. тонн. Отсюда мы видим, какое значение может иметь надлежащее использование наших торфяных богатств.

За это время мы прошли по торфодобыче очень значительный путь, мы упустили добычу сравнительно с довоенным временем. Ныне мы хотим еще утроить ее. Мы сейчас, следовательно, делаем ставку на увеличение в 15 раз того, что мы добывали в довоенное время. Такую же, примерно, ставку мы ставим и на подмосковный уголь, т.е. увеличиваем его добычу минимум в 15 раз.

Итак, если кто-нибудь скажет, что в плане у нас есть просчет в основном пункте, что мы слишком налегаем на Донецкий бассейн, не считаясь с тем, что по линии перевозок мы должны будем еще вложить миллионы для того, чтобы уголь из Донецкого бассейна доставить в центр, то это будет не верно. Мы все сделали для того, чтобы послать на подмогу и торф и подмосковный уголь и другие местные угли. Большого сдвига мы сделать пока не можем. Однако, в виду того, что по дровам, по тем соображениям, о которых я говорил выше, мы даем малое движение вперед, создается такое положение, при котором Донбасс продолжает оставаться основным центром топливоснабжения, решающим судьбы всей индустриализации.

На следующее место надо поставить в этом беглом обзоре нефть. Обратите внимание, прежде всего, на своеобразие судьбы нашей нефтедобычи. Было время, когда мы были первой страной мира по нефтедобыче. Сейчас Америка перегнала нас в 10 раз: 125 млн. тонн против наших 12 млн. тонн. В последние годы нас быстро перегнала Венецуэла, которая имеет сейчас уже 14 млн. тонн. Но чаша весов колеблется. Мы считаем наше нефтяное хозяйство наиболее благоустроенным в нашей индустрии. Этим оно обязано тому, что почти все перешло на электрические „рельсы“. В 1921 г. мы были в 10 раз более отсталыми по отношению к Мексике: она была над нами, ныне мы сильно перегнали Мексику. Сейчас перед нами серьезной силой стоит только такой мировой гигант, как Соед. Штаты. И вот является вопрос: каковы же судьбы дальнейшей конкуренции двух основных властителей нефтяных ресурсов: нас и Соед. Штатов?

Отметим прежде всего, что промышленно разведанные ресурсы нефти у нас весьма не велики: 145 млн. тонн в переводе на условное топливо. Это не устраивает нас даже на ближайшее пятилетие. А по геологическим предположениям — каковы эти богатства. Свыше 4¹/₂ млрд. тонн. Где можно искать нефть? Нефть можно искать везде, где нет отказа в известных осадочных залежаниях, где мы не натываемся прямо на кристаллические породы, где есть подходящие изгибы земной поверхности. Наша территория по этим условиям чрезвычайно близка к Соед. Штатам. А между тем, мы сейчас имеем всего 25 хороших нефтяных месторождений, из которых только 10

являются благонадежными. Америка за это время, за время конкуренции с нами, открыла тысячу месторождений. Америка движется с бешеным темпом, с бешеной энергией в области разведок. Скважины нефти используются там в 5—8 лет. Наши старые районы нефтедобычи, как, например, Балахно-Сабунчино-Романинская площадь Баку, работают более полувека. Американцы идут с бурением на глубину до 2 километров, наши скважины в среднем около 400 метров. Следовательно, мы и на старых площадях имеем некоторые резервы на больших глубинах. Убежденность в том, что у нас должны быть громаднейшие, еще неизвестные запасы нефти, заставила наметить в нашей пятилетке громадную нефтяную разведку. Мы наметили в пятилетие — 200 новых геологических структур для исследования. И вот сейчас то, что вы слышали об уральской нефти, это как раз подтверждает одну из важнейших наметок пятилетнего плана; подтверждает соображения, что на всем протяжении от западного Урала до Средней Волги мы должны искать нефть. Открытие проф. Преображенским нефти в 40 км от Перми свидетельствует о том, что эта наметка была правильной. Если будет так, что при этих разведках, как в довоенное время, будет 5% удачи, то мы дадим в это пятилетие уже 10 новых благонадежных нефтяных районов. Здесь не следует бояться риска. Американцы щедро бросают громадные деньги и не смущаются малым процентом удачных скважин. Риск неизбежен, но нефть удачных скважин, столь необходимая нам и для экспорта и для внутреннего использования (а мы хотим удвоить мощность нефтеперегонных заводов, довести их до 19 млн. тонн продукции, соорудить свыше 60 штук американских, так называемых „крэкингов“, превращающих тяжелый мазут в легкие погонные бензины), с лихвой вознаградит все потери.

Вот справка, которая ярко иллюстрирует, как смело идут американцы на разведку. В Калифорнии в 1925/26 г. было пробурено 390 разведочных скважин. Обошлось это в 35 млн. долларов, т.е. 70 млн. руб., а в результате было открыто только два нефтяных района и один из них оказался неважным. Это показывает, что и нам нужно всю обстановку разведок поставить на новые рельсы, для того, чтобы здесь работники не боялись попасть в какую-нибудь переделку, если процент удачи небольшой, не тот, который могут ожидать люди, недостаточно осведомленные в этой специальной области.

Мы идем дальше, товарищи, для того, чтобы облегчить транспорт нефти с громадным строительством нефтепроводов. Мы сейчас уже осуществили огромный нефтепровод Грозный — Туапсе. Он здесь изображен на карте. Затем, строим нефтепровод Баку — Батум. Есть предположение пойти с нефтепроводом от Каспия к Москве. Показательно, что, например, Венецуэла обогнала нас после того, как она для облегчения транспорта нефти пошла по пути огромного строительства нефтепроводов. Итак, шансы догона Аме-

рики у нас большие и верные. Бешеная погоня за нефтью в С.-А.С.-Ш. привела к значительному истощению тех скважин, которые там эксплуатируют. В то время как там наблюдается падающая линия на целом ряде недавно благонадежных мест, когда разведка там напряжена до отказа, мы только подходим к новым разведочным и производственным возможностям. Есть все шансы считать, что успешность в разведках будет не 5%, а все 10—12%. Если это оправдается, то уже в это пятилетие мы более чем вдвое уменьшим нашу отсталость от С.-А.С.-Ш., а в следующее пятилетие начнем борьбу за мировое первенство. На все нефтяное дело мы наметаем по пятилетке около 1½ млрд. руб.

В двух словах о дровоснабжении. Наш топливный баланс рассчитывает сохранить на все пятилетие, примерно, 50—60 млн. куб. метров дров годичной продукции для промышленного использования. Здесь особенно трудная задача падает на Урал, на который накладывается большая нагрузка по производству древесно-угольного чугуна, дающего особо высококачественный металл. Поэтому уральские дровозаготовки надо поднять с 11 млн. до 15 млн. куб. метров. Здесь большие трудности. Чрезвычайно важно для Урала развитие его собственных местных углей и, конечно, особо необходима связь уральской металлургии с Кузнецким бассейном, мощная „минерализация“ кузнецким углем топливного баланса Урала. Во всяком случае, на ряду с огромной задачей по программе дровоснабжения на Урал падает чрезвычайно важная задача — поскорее связать свою массовую выплавку чугуна с каменным углем, с топливом, которое именуется минеральным топливом.

Мы видели, что несмотря на большую программу топливобуды, от напряжения в Донбассе не уйти, разные виды местных топлив на смену ему быстро не придут. А ведь в общей сложности мы затратим в пятилетие на топливное дело до 3 млрд. руб. Это заставляет думать и о других источниках энергии и, в первую очередь, о водной энергии. Здесь — та же, знакомая нам картина. Мы не знаем своих собственных водных богатств. В то время как писался план ГОЭЛРО мы считали природную мощность наших водных сил, таких, которые давали бы возможность делать в одном месте гидравлические установки величиной в 10.000 лош. сил, — всего в 20 млн. лош. сил. За эти годы, на наших глазах, эта оценка поднялась до 40 млн. лош. сил. Теперь есть возможность говорить, что на самом деле ресурсы нашей водной энергии превосходят 60 млн. лош. сил. Конкурировать с нами, вероятно, может лишь одна Америка, со своими 128 млн. лош. сил. Сейчас во всем мире энергично строятся гидравлические станции, т.е. электростанции, использующие водную энергию. Целый ряд таких стран, как Швеция, Норвегия, Италия, все свое хозяйство базируют на использовании водной энергии. Это использование у нас сейчас, если взять его по отношению к природным ресурсам — ничтожно: едва 1,5%. Но мы разви-

ваем большую программу постройки гидравлических станций, которые более чем в 3 раза повышают процент этого использования. Когда я буду говорить о программе электрификации, я вернусь к этому вопросу.

Пару слов еще об одном источнике энергии, который мы не должны упускать из вида и который в будущем будет играть колоссальнейшую роль; это — энергия ветра. Следует отметить, что в довоенное время было вложено 140 млн. руб. на различные ветровые установки. Главный недуг этой энергии — это ее непостоянство. Сейчас старые ветродвигатели находятся в плохом состоянии. Только 35—40% из них действуют, а между тем, силы новой техники и здесь далеко ушли вперед. Новый ветродвигатель нашего института ЦАГИ дает возможность при любом ветре получать практически постоянное количество оборотов. Его число оборотов меняется лишь на 3 с небольшим процента. Это — подлинная техническая революция в этом деле. Двигатель ЦАГИ может при любом ветре параллельно работать с любой электростанцией. Есть различные способы использовать эти возможности параллельной работы. Ветровой двигатель может сопрягаться с самыми различными тепловыми установками постоянного действия. Ветровой двигатель может качать во время ветров воду на некоторую возвышенность, а в безветрие использовать эту воду для вспомогательной гидравлической установки. Но самое благонадежное решение вопроса — иметь развитую сеть электропередач, прямо включая в нее разнообразные ветровые установки. Получается как бы огромный собиратель (аккумулятор) ветровой энергии, который в виде электрической энергии то получает, то отдает энергию, покрывая своим постоянством изменчивость стихии — ветра. Грубые прикидки наших ученых говорят, что мы можем с одной поверхности Европейской части СССР получить в течение года 3.000 мрд. квтч. т.-е. мощность, далеко превосходящую все мыслимые мировые потребности в энергии. Предстоит вплотную подойти к этому великому источнику, и пятилетка ВСНХ правильно намечает поднять установленную мощность ветродвигателей до 500 тыс. лош. сил. Мы должны пойти с ветровыми двигателями технически совершенной конструкции в деревню на смену старых ветряков, которые, как они ни были плохи, давали общую мощность до 800 тыс. лош. сил. Эти ветряки могут быть и пионерами сельской электрификации, могут служить и для мельничных и для других механических приводов, для качки воды в оросительных целях и т. д., и т. п. А со временем мы их включим в сеть электропередач и они заживут новой жизнью.

Каковы же общие итоги нашего топливного очерка? Напряженнейшая программа работ, которую мы ставим перед Кузнецким бассейном, перед Уралом, перед Донецким бассейном, перед другими местными топливными ресурсами показывает, что топливное положение в ближайшие годы будет очень трудным, что четыре истек-

шие года напряженной работы в Донецком бассейне сменятся для него не менее напряженным пятилетием. Свести концы с концами в топливном балансе возможно будет лишь при величайшей экономии в расходах топлива. Поэтому мы и ставим перед промышленностью жесткое требование отказаться от неряшливого потребления топлива, сэкономить его расходы по меньшей мере на 30%. Другой пожиратель топлива — транспорт — должен сэкономить не менее 12—13% потребления топлива. Это — одно из важнейших требований всего нашего хозяйственного плана. Рабочие и технические работники должны смотреть зорко за этим делом. Иначе мы будем иметь перебои и срывы на важнейшем участке индустриального строительства. Если эта экономия будет проведена, мы сможем подкрепить на будущее наши топливные резервы. Будем помнить, что резервы топлива, которые мы должны довести до установленных многолетней практикой норм, следует считать не менее важными, чем хлебные запасы, как для нужд мирного времени, так и в особенности для оборонных надобностей. Не имея резервов топлива и хлеба, мы не сможем обеспечить доброкачественного планового хозяйства.

Электрификация

Подходим ли мы к Донбассу, подходим ли мы к Кузбассу, подходим ли мы к торфу или к подмосковному углю, везде и всюду строительство топливодобычи будет опираться на более совершенные технические процессы, более совершенное оборудование. А каковы те решающие рельсы, которые наиболее прочно обеспечивают нам благоустроенную техническую работу? Эти рельсы — электрификация. Мы не могли бы подойти к торфу, если бы пионером раскрытия торфа не была торфяная районная электростанция. Мы не могли бы раскрыть подмосковного угля, если бы мы не шли туда с испытанным орудием в руках — с устройством соответствующей электростанции. Мы не могли бы использовать запасов Донбасса, если бы не рассчитывали быстро покончить там с теми терзаниями, которые испытывает все хозяйство Донбасса из-за недостатка электроэнергии. В Кузнецком бассейне мы будем идти тем же путем: мы начнем с того, что построим там 2 мощных электростанции, опираясь на которые мы сможем строить и здесь те гиганты — шахты, хорошо электрооборудованные, которые раскроют перед нами громаднейшие богатства этого, в будущем решающего, угольного района.

Поэтому так естественен теперь переход к плану электрификации в предстоящем пятилетии.

Прошу осветить на карте станции как существующие, так и те, которые уже находятся в постройке.

Вы видите, на карте зажглись огоньки существующих и строящихся электростанций. Их пока немного, это только пионеры нашей будущей огромной работы в этой области. Вы видите, около Ленин-

града освещается голубым светом известный вам Волховстрой (гидроэлектростанции освещены на карте голубым светом). Вы видите как далеко, далеко на юге осветилась голубым светом Земо-Авчальская электростанция. Только две больших гидростанции пока у нас в ходу. Вы видите как горят белые огоньки в центре — в Москве и Ленинграде. Что мы сделали здесь за это время? Здесь проделана огромная работа, может быть не бросающаяся сразу в глаза, но весьма существенная. В плане электрификации, в плане ГОЭЛРО мы говорили, что нам в ближайшее время придется начинать работу по электрификации с того, чтобы подкрепить существующие большие электростанции, связать их сетями с другими станциями. Мы знали, как истрепаны станции наших центров — Москвы и Ленинграда, как быстро надо их переоборудовать. Здесь как раз светятся четыре белых огонька, четыре городских электростанции Ленинграда. В Москве выделяются две электростанции: бывш. трамвайная и ИМОГЭС, а рядом с ними зеленым светом горит наша первая торфяная станция — бывшая „Электропередача“, а теперь — станция имени инж. Классона. На юге, в Баку, светятся две городские электростанции. Все эти станции не только переоборудованы нами заново, не только увеличены по мощности, но и превращены в подлинные станции районного значения. Мы связали их сетями электропередач, развили эти сети за городской чертой, связали их с районными станциями. „Красный Октябрь“, Торфоцентральный Ленинграда и Волховстрой работают в одну сеть с бывшими городскими здешними станциями. Еще мощнее объединение ИМОГЭСа. Это — работа крупнейшего хозяйственного значения. Но не менее большое начало мы имеем и в работе тех многих районных станций, которые сейчас уже идут полным ходом. Вот около Москвы вы видите светится поодаль Каширская станция. Она разрешила огромной трудности задачу и сейчас быстрейшим образом перестраивается так, чтобы мощность ее была увеличена многократно. Она превосходно разрешила задачу — использования подмосковного угля, дала нам возможность считать этот уголь хорошим топливом электростанций. Не менее большую работу сделала Шатурская торфостанция. Эта станция дала нам на топке инженера Макарьева мировой рекорд в использовании торфа для целей непосредственного сжигания. Штеровская станция, в Донбассе, несмотря на то, что она имела большие детские болезни в строительстве, также разрешила громадной важности задачу. Нигде еще в мире антрацитовый штыб чистоганом не сжигался на таких огромных районных центрах. Штеровская станция разрешила эту задачу. Антрацитовый штыб накапливается при добыче антрацита в громадных количествах и прежде пропадал даром. Он теперь взят нами в руки и мы знаем, как надо его сжигать. Вот известная торфоцентральный на Волге — Балахна — около Нижнего Новгорода. Но для того чтобы можно было очертить всю работу в области электростроительства, я попрошу включить все станции, намеченные

к постройке в это пятилетие (карта освещается; бурные аплодисменты).

Товарищи, те станции, которые я указывал вначале, были только пионерами. Вы видите наглядно, сколькими единицами они пополняются. Мы должны были прожить некоторый испытательный период, наши строительные кадры еще не испытаны, строительные ресурсы — не накоплены. Вы знаете, какие на этом пути были трудности. Вспомните про Волховстрой. Вспомните, сколько клевет сыпалось по адресу этой станции. А что оказывается теперь? Сейчас Волховстрой несет на своих плечах половину нагрузки Ленинграда. Сейчас он дает энергию себестоимостью в $3\frac{1}{2}$ коп. против 5 коп. себестоимости ленинградской энергии на других станциях. Вы знаете, что эта станция является такой, что мы с гордостью ее показываем иностранцам, что она экономит в год 200 тыс. тонн привозного угля. Ее строительный опыт — школа для наших строителей гидроцентралей, — уже сильно помогающий нам в новом строительстве этого рода.

Здесь, на Днестре, вы видите, освещается голубым светом будущий мировой гигант — Днестрострой. Товарищи, которые там работают, прошли школу Волховстроя, и имея их опыт и опыт тов. Винтера, строителя Шатурской станции, мы можем быть уверены, что постройка этой громадной станции будет на должной высоте. Нет никакого сомнения, что иностранные эксперты, которых мы пригласили, будут использованы при таком руководстве надлежащим образом. Но кое-что свое новое и полезное мы дадим здесь и мировой технике.

Товарищи, вы видите, как силен на юге, на Кавказе, этот голубой свет гидроэлектростанции. И это вполне понятно. Здесь как раз мы имеем громадный запас высоконапорной горной водной энергии, которая в дальнейшем будет конкурировать с энергией наших равнинных рек. К ним, кстати сказать, мы могли подойти также в силу только последних завоеваний техники, потому что раньше использование таких равнинных потоков было весьма затруднительным. Гораздо дешевле и проще использовать высоконапорную энергию горных водопадов и рек. Такова энергия целого ряда кавказских рек. Недавно считали, что Земо-Авчальская станция построена преждевременно и будет долго работать с малой нагрузкой. Опыт показал как не надо торопиться с оценкой значения таких станций-пионеров. Спрос на электрическую энергию так быстро опережает наши предположения, что ни в одном разрезе хозяйства не сказывается так ярко закон, что в наши времена предложение создает спрос, а не спрос предложение. Эта станция уже скоро не будет справляться со всерастущей нагрузкой, придется ее расширять, что, по счастью, и было предусмотрено.

Не буду перечислять вам всех станций, остановлюсь только на самых важнейших. Конечно, на первое место нужно поставить Дне-

прострой. Чем особенно поучительно это строительство? Тем, что сейчас на Днепрострое мы имеем подтверждение того основного закона крупного строительства, который нигде не имеет такой благоприятной арены для развертывания, как у нас, в нашей социалистической стране. Техничко-экономический расчет показывает, что при постройке крупнейших предприятий их не должно рассматривать обособленно: нужно думать не об отдельном предприятии, а о целом комбинате предприятий. Все промышленное строительство надо собирать в определенные узлы и рассчитывать, как можно комбинировать различные производства, создавая их внутреннюю увязку таким образом, чтобы отбросы одного производства служили питательной пищей другому, чтобы суммарная работоспособность (энергетика) таких предприятий была максимальной. Днепрострой как-раз служит примером такого комбината. Это не просто громадная гидроэлектрическая станция, которая по величине будет конкурировать с мировыми гигантами. Мы хотим там строить тот самый металлургический завод, который мы предвидели по плану ГОЭЛРО, большой Александровский металлургический завод, товарищ Кривоножского завода по мощности — с 660 до 750 тыс. тонн продукции черного металла. Там мы имеем в виду поставить, кроме того, завод различных сплавов металлов и завод электростали. Мы рассчитываем поставить здесь же целый ряд химических производств, при чем особенно большую нагрузку мы имеем в виду дать заводу по получению алюминия. Мы рассчитываем, что вероятно товарищи — украинцы и работники Днепростроя озаботятся быстро включить в свой электро-металлургическо-химический комбинат и значительную нагрузку селхоз. характера. Было бы неправильно не воспользоваться 40-метровым подъемом Днепра, не оросить окружающий засушливый район. Надо использовать наличность громадной механической энергии, благоустроенных мастерских, наличие техников, чтобы поставить здесь гигантский образцово-показательный совхоз, опирающийся и на мелиорацию, и на тракторы, и на электрический привод. В итоге здесь мы имеем превосходное поле грандиозных работ, на котором наши лучшие работники держат экзамен зрелости на службу социалистической стране. Нам ничто не препятствует так рассчитать этот комбинат заводов, чтобы получить максимальную его выгодность. Никакая группа капиталистов не может своекорыстно тормозить это великое строительство, которое мы можем развивать по последнему слову техники и экономики. За границей нет таких предпосылок полного успеха, потому что на пути там могут встать корыстные интересы владельцев различных предприятий, жестокая конкурентная борьба с ее игрой случайностей.

Товарищи — украинцы очень обеспокоились, когда мы заявили, что в ближайшее время нам придется сочетать работу Днепростроя с работой тех электрических станций, которые будут в Донецком бассейне. Они думали, что мы таким образом сильно сократим строи-

тельство электрических станций самого Донбасса. Они могут быть совершенно спокойны: мы идем здесь с твердой программой. Будут построены кроме мощной Штеровской станции и Зуевской станции — соседки Штеровской — станция Тошковская, которая соответствует Лисичанской станции по плану ГОЭЛРО. Мы достроим Чугуевскую станцию близ Харькова и будем строить, кроме станции Донсода, еще целый ряд заводских электроустановок. Однако, все они будут работать в общую сеть. По всей вероятности, однако, в это же пятилетие придется связать электрическую сеть станций Донбасса с Днепростроем. Расположение нагрузки чрезвычайно выгодно для этого: весной при многоводье Днепра на всех угольных шахтах начинается большая работа по водоотливу. Днепрострой как-раз поможет в это время своей избыточной весенней энергией. Связь с Днепростроем облегчит переоборудование устаревших электроустановок заводов и шахт Донбасса. Наконец, на случай опозданий строительства Днепровского комбината выручит нагрузка самого Донбасса. Мы уже не говорим об общей выгоды самой широкой связи гидравлических и тепловых станций.

Затем, из крупных станций я бы хотел отметить в Подмосковном районе Бобриковскую станцию. Эта станция мощная — мы предполагаем развить ее до 300 тыс. киловатт. Она будет отличаться той особенностью, что здесь мы впервые подведем под одну крышу два рода использования подмосковного угля: тепловое и химическое. Мы одновременно будем стараться всячески преобразовать этот уголь в такое топливо, которое выдерживал бы транспорт, будем его газифицировать, получая остатки, которые тоже будут употреблены в дело. Газ мы поведем в Москву. Памятуя, что Подмосковный бассейн включает Егорьевские и Брянские фосфориты, мы приложим все усилия к тому, чтобы получить такие химические продукты, которые необходимы для фосфорно-кислых и азотно-кислых удобрений. Программа такого комбината потребует большого искусства, больших вложений, но эта программа по новому вскрывает богатства Подмосковного бассейна и поможет нам в дальнейшем сильно облегчить нагрузку Донбасса. Поэтому значение Бобриковского комбината огромно.

Дальше вы видите освещенную ярким светом Шатурскую станцию, а вот здесь, рядом, освещенный зеленым светом торфобрикетный завод. Такой же завод светится и под Ленинградом. Это свидетельствует о новых попытках подойти к торфу. На торфе мы строим в Московском и Ленинградском районах целый ряд станций, но сейчас мы ставим по отношению к торфу новые задачи. Нужно такое использование торфа, чтобы он не только грубо сжигался в топке, но чтобы он „облагораживался“, превращался в транспортабельное топливо. Торфобрикетные заводы будут, с одной стороны, посылать газ для тепловых надобностей, а с другой — давать удобный для перевозок торфяной брикет. Есть целый ряд возможностей

получать разнообразные продукты смол торфа и подмосковного угля, создавать комбинированные производства, в которых электрическая энергия будет получаться почти как побочный продукт. Наконец, большая будущность предстоит тем теплоэлектроцентралям, которые вишневым цветом горят на карте в Москве и Ленинграде. Они посылают одновременно электричество по проводам и насыщенный пар по длинным трубопроводам для экономного отопления. Здесь громадные перспективы самой большой экономии в привозном топливе для этих центров.

На Урале вы видите свой яркий букет станций. Челябинская строящаяся станция, Кизеловская станция. А рядом — голубая точка на севере и зеленая в центре говорят о новых постройках на Урале весьма большого значения. На севере голубым светом зажглась гидростанция на канале Кама-Печора. Здесь есть все шансы получить свыше 100 тыс. квт. энергии, при устройстве этого водного пути, столь необходимого для развития уральского транспорта, для лесного хозяйства Урала и для его химических продуктов. Зеленая точка — это электростанция центрального Урала (мы еще не решили, где она будет построена; есть два конкурента — Нижне-Салдинский и Егоршинский заводы). Весь Урал будет снабжен, как мы видим, опорными пунктами электростанций. Электропередача, связывающая эти станции, рядом с магистралью железных дорог, проходящих в меридианальном направлении, — эти два огромных энергетических хребта — создадут для Урала могучую опору его индустриализации. А на выручку и подмогу подойдет еще и уральская нефть.

Дальше, товарищи, вы видите по линии Волги протянулись те станции, которые намечались еще по плану ГОЭЛРО. Вот Сталинградская станция, значение которой, в виду развития Сталинграда, как громадного индустриального центра, ясно. Саратовская станция, и, наконец, Самарская — Средне-Волжская.

В Центрально-Промышленном районе мы имеем Иваново-Вознесенскую станцию, Балахну, Каширскую и Бобриковскую, Ляпинскую и Ярославскую станции — самый большой букет станций.

На западе Бугская станция, а на юге большой букет кавказских станций, на которых я, за неимением времени, не буду останавливаться, но которые в общем и целом сделают Закавказье наиболее богато электрифицированным районом.

Добыча всей электроэнергии в стране по своим источникам распределится следующим образом: до 25% будут давать вода и торф, от 12 до 15% даст подмосковный уголь и антрацитный штыб, уральский и кузнецкий угли дадут 5%, привозной донецкий уголь — 4,4%, а на отбросы нефти — на парафинистый мазут — падают 12%. Из 22 млрд квтч. 14 будут идти с районных станций. Удельный вес их чрезвычайно возрастет; они будут составлять больше половины всех электрических станций, а сейчас они составляют приблизительно одну четверть.

Мы должны будем всячески блюсти такой закон, по которому вся выработка электрической энергии, все энергетическое хозяйство должно считаться единым. Будем развивать электрическую сеть, включая, как правило, в нее установку отдельных фабрик и заводов. Только таким путем, собирая под одну крышу все энергетическое хозяйство, мы сможем обеспечить наиболее высокий технико-экономический показатель работы промышленности, что даст возможность быстро догнать и перегнать опередившие нас индустриально страны.

Когда мы писали план ГОЭЛРО, электротехника не развернула еще тех возможностей, которые мы имеем ныне. Мы тогда говорили о 100 тыс. вольт напряжения, как о максимальном. Теперь мы уже проектируем по Днепрострою двойное напряжение — 200 тыс. вольт. А что это означает? С подъемом напряжения нам легче перекрывать пространства. Это означает, что станции, находящиеся на расстоянии 500 км друг от друга, легко протягивают руки одна другой. Электрическая сеть за пятилетие проектируется с подъемом от 3 до 12 тыс. км протяжения. Она имеет у нас все шансы также богато развиваться, как и в Америке. В Америке сеть электропередач конкурирует с сетью железных дорог; 400 тыс. км электрической сети конкурируют с 440 тыс. км железнодорожной сети. Все это обеспечивает такие экономические возможности, которые трудно оценить.

Если бы мы оставили все наше теплосиловое хозяйство на уровне 1925/26 г., не имея возможности его электрифицировать по нашей программе, то мы из года в год тратили бы лишних 500 млн. руб. Мы сэкономим, благодаря развитию энергетической сети, не менее 500 млн. руб. в год, если, конечно, одновременно и другая сторона энергетики — освежение и упорядочение машин-двигателей — будет идти нога в ногу с работами по общей электрификации. Энерговооруженность труда тех 4 млн. рабочих, которые будут работать в ценовой промышленности, возрастет за пятилетие более чем вдвое. Подсчеты показывают, что те 4.600 квтч. механической энергии в год, которые придутся в конце пятилетия на каждого работника, означают то же самое, как если бы около него стояло более 60 механических рабочих. Это означает, что в комбинате Днепростроя, где на 15 тыс. рабочих в общей сложности будет приходиться огромная мощность в 300 тыс. квтч., каждый работник будет работать так, как будто бы около него стояло 700 чел. с дружной помощью. Это громадное вооружение труда, которое мы можем обеспечить исполнением программы электрификации, является основной предпосылкой для того, чтобы нам не сдрейфить во всем нашем строительстве. Будем крепко держаться за электровооруженность, о которой старик Энгельс говорил с такой удивительной прозорливостью, что она как бы замыкает круг полезных превращений энергий, что она в единое целое соединяет все виды энергий и дает

возможность так комбинировать производительные силы, что они неслыханно разрастутся и перерастут рамки буржуазного общества. Это она — электрическая энергия, переброска и передача ее на расстояние, радикально разрешит, по его словам, противоречия между городом и деревней. Таким образом, в электричестве мы действительно имеем красное орудие социализма. Зарево огня, которое горит на карте, говорит не просто о технической работе, а о работе глубоко социалистической. В грядущие 5 лет мы должны будем зорко следить за тем, чтобы эти ленинские электрические веки строительства не были нарушены. Тогда мы имеем много шансов, что мы всю нашу строительную хозяйственную программу поставим на такие пути, которые неведомы по масштабам возможной успешности другим странам.

Сельское хозяйство

Товарищи, мы только что говорили о хлебе для промышленности. Но кроме материальных ресурсов, решающих судьбы нашего производства, есть еще другой важнейший ресурс, стоящий над этими материальными ресурсами, это живая сила людей. И мы не разрешим правильно строительства нашего хозяйства, если не разрешим другого громадной важности энергетического вопроса, вопроса о питании живой энергетики, хлебного вопроса. Вы уже слышали здесь от тов. Рыкова целый ряд указаний относительно того пути, по которому мы пойдем в развитии нашего сельского хозяйства. Вы услышите еще специальный доклад тов. Калинина, так что разрешите мне при обрисовке этого вопроса остановиться только на немногих решающих пунктах.

Товарищи, чтобы вы сказали о предприятии крупного масштаба, которое решило бы устраиваться так, что стало бы разбиваться на ряд мелких кустарных небольших ячеек, поставило бы эти маленькие кустарные ячейки отвратительно в смысле техники, без всякого опытного технического руководства, снабдило бы их скверным обслуживанием транспорта? Каковы были бы судьбы такого предприятия? Эти судьбы были бы плачевными. Между тем, преобладающая масса нашего крестьянского хозяйства находится именно в таких условиях. Она раздроблена на 25—27 млн. мелких и мельчайших единиц, находящихся по уровню своей техники далеко ниже того технического уровня, который известен в настоящее время мировой сельскохозяйственной технике, она находится в отвратительных транспортных условиях. Следовательно, не приходится удивляться, что темп роста такого производства не удовлетворяет бурному развитию нашей промышленности, что сейчас важнейшим заданием всего нашего народнохозяйственного плана является — покончить с этим разрывом в темпах и создать новые рельсы для всего сельского хозяйства.

Каковы же эти рельсы? Они станут особенно ясными, если мы подойдем в социальном разрезе к проблеме нашего сельского хозяйства.

В самом деле, вспомните, что в 1927/28 г. мы имели зерновую продукцию в 73 млн. тонн против 81 млн. тонн 1913 г. Восстановительный процесс по валовой продукции дошел до 90%, а между тем, в 1913 г. товарная продукция была 20 млн. тонн, а в 1927/28 г. всего только 8 млн., т.е. по товарной продукции мы имеем всего 40% довоенного уровня. Вот где основная беда. В самом деле, даже при этой продукции в 4¹/₂ млрд. тонн, если бы товарность зернового хозяйства была довоенной, то не было бы тех гигантских затруднений в продовольственном вопросе, которые мы испытываем в настоящее время. В чем же здесь дело? При всем несовершенстве нашей статистики мы знаем, что, например, в таких решающих продовольственных районах, как Сев. Кавказ и Украина, 10% верхушечной группы крестьянства (из которой 4% можно отнести к кулакам, а остальные — тяготеющая к ним группа подкулачников и зажиточных слоев) держит в своих руках почти 1/3 инвентаря и земли, тогда как 20% имущественных низов деревни держит в своих руках 5—7% инвентаря и является, в большинстве случаев, безлошадной. Вот эти 40% товарного хлеба, которые держит зажиточная верхушка в решающих наших районах, дают возможность для тех контрреволюционных маневров этой зажиточной верхушки, которые срывают государственные цены на сельскохозяйственные продукты и подрывают всю нашу работу в области хлебозаготовок. Отсюда ясная и простая задача: противопоставить этой части крестьянства, кулацкой и подкулацкой, наш социалистический сектор, противопоставить так, чтобы к концу пятилетия иметь 40% товарного зерна от нашей опоры на селе, от той бедняцко-середняцкой массы, которую мы вовлечем в наши колхозы и совхозы. Интересы этой бедняцко-середняцкой массы совпадают с интересами всего трудящегося населения, живущего покупным хлебом.

Это основная, генеральная линия и если мы ее проведем, мы положим конец маневрированию кулацкой верхушки на рынке и будем иметь тот хлебный резерв, который позволит нам упорядочить все хлебозаготовительное дело и быть господами на всем огромном хлебном рынке. Но для того чтобы это сделать, надо иметь, помимо, какие то особые средства. В самом деле, разве эта идея строительства совхозов и колхозов совершенно новая идея? Нет она развита еще в плане ГОЭЛРО. Почему же мы рассчитываем, что мы именно за это пятилетие эту программу осуществим? А потому, что 1927/28 г. является, в известном смысле, переломным годом. В каком смысле? В том смысле, что впервые в этом году, на плечах окрепшей индустрии, наше крестьянство свой общий сел.-хоз. инвентарь подняло до довоенного уровня. Сельскохозяйственный инвентарь по стоимости превосходит теперь уже цифру в 1 млрд. руб., т.е. то, что соответствует стоимости сельскохозяйственного инвентаря в довоен-

ное время. Правда, на 350 млн. руб. этот инвентарь находится в руках деревенской верхушки, но, тем не менее, ныне мы уже смогли бросить для бедняцко-средняцкой массы значительное количество сельскохозяйственных орудий, а в будущем сделаем это еще основательней. Есть еще другой момент, который предreshает события на великом поле сел.-хоз. труда. Мы имеем свыше 350 тыс. га механизированных хозяйств. Мы уже не теоретически, а практически взвешиваем силу трактора, силу нового энергетического опорного орудия деревни, скажем, универсального 3-корпусного трактора типа „Интернационал“. Мы знаем, по опыту, а не по расчету, что такой трактор заменяет 20—30 лошадей. Мы знаем, что наш сел.-хоз. инвентарь один, без двигателя поможет мало под'ему крестьянского хозяйства. Почему? Потому, что есть большой разрыв между возможностью использования вот этого инвентаря и той силой рабочего скота, которой наша деревня располагает.

Мы не можем рабочий скот поднять по нашему произволу. Наши специалисты говорят, что мы сможем увеличить за 5 лет численность рабочего скота всего на 20%. Вот здесь-то и придут на помощь тракторы. Наш фактический опыт показывает, что, если трактор оперирует на достаточно сплошном массиве, он увеличивает чрезвычайно выгодность хозяйства. Зернотрест, который имеет огромное задание добиться за пятилетие 16 млн. центн. продукции зерна, говорит, что по первым шагам видно, что цена отборного зерна пшеницы будет стоить не более чем 5—6 руб. за центнер. Это уже значительно дешевле по сравнению с теми ценами, которые мы имеем в настоящее время в наших хлебозаготовках.

Но, товарищи, есть один момент, который вы должны твердо подчеркнуть в вашем сознании. Какой это момент? Для того чтобы развернуть наши государственные совхозы по тем прикидкам, которые мы сделали, выходит, что расходы должны быть сделаны в расчете 150 руб. на один гектар посева. Это — огромная сумма. Мы бросаем сотни миллионов для того, чтобы создать наши совхозы и естественно наталкиваемся на известный предел такого строительства по ограниченности наших денежных ресурсов. Нельзя ли, опираясь на наши совхозы, на опыт механизированных хозяйств, привлечь к этому огромному строительству само крестьянство? Вот, товарищи, сейчас на карте освещаются совхозы, с которыми мы пойдем в эту пятилетку. Вы видите, как мощно они идут усиливающейся на восток лентой. Вы видите, как красной звездой отмечен, около Одессы, особый пункт. Что это такое? Это межселенно-машинотракторная станция совхоза имени Шевченко, которая при героических усилиях тов. Маркевича показала нам ту дорогу, по которой мы пойдем для того, чтобы с помощью нового энергетического двигателя охватить громадные массы крестьянства и преодолеть те затруднения, которые мы встретили бы на пути, если бы ограничились одними государственными совхозами.

В чем дело, товарищи? А дело в том, что не по книжным расчетам, а действительным опытом, в горниле труда, тов. Маркевич вместе со своими соработниками разрешил величайшую, исторической важности задачу. Он показал, что такая межселенно-тракторная станция в условиях юга, в условиях Одессы, может разворачивать свое действие на десяток и десятки деревень, охватывая 40 и 50 тыс. га. Он нам показал, как постепенно правильным подходом к нуждам трудового крестьянства, учитывая всю естественную инерцию прошлого, то недоверие, которое еще есть в крестьянстве к решительному переходу на позиции обобществленного, технически благоустроенного хозяйства, к новому строю, как можно практически с боя брать эти позиции. Как вести войну против засилия кулака, в корне подрывая значение его инвентаря, при помощи которого он накидывает петлю эксплуатации на окружающее крестьянство; как можно постепенно втягивать крестьянство в такие формы объединения, которые будут иметь завершением более глубокое объединение всего крестьянского хозяйства в целом. Мы рассчитываем в это пятилетие проектировать эти тракторные станции совершенно так же, как мы проектируем электростанции. Основываясь на опыте Маркевича, основываясь на том богатом уже опыте, который имеет сейчас другой, чрезвычайно эффективно работающий центр — наш Хлебоцентр со своими тракторными колоннами, мы думаем, что мы охватим межселенными тракторными станциями в это пятилетие от 2 до 3 млн. га. А если мы дальше разовьем производство тракторов, то в следующем пятилетии дело это пойдет еще шире.

В пятилетке мы наметили, кроме Сталинградского завода на 40—50 тыс. тракторов в год, еще один новый завод в одном из наиболее удобных экономических центров, о котором мы будем еще много толковать, ибо каждый район хочет иметь его у себя: и украинцы, и уральцы, и ленинградцы. Мы рассчитываем, что поднимем производство Харьковского завода и так разовьем это дело, чтобы к концу пятилетия на наших полях было не менее 150 тыс. тракторов в ходу, из которых свыше 80 тыс. будет собственного производства. Мы рассчитываем, что к концу пятилетки мы будем иметь такую продукцию тракторов, что в каждый год следующего пятилетия мы сможем механизировать до 10 млн. га. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что, начав программу строительства межселенных тракторных станций с охватом 3 млн. га, в следующее пятилетие мы войдем с программой охвата уже 20 млн. га. И тогда следов от старого крестьянского быта, от отдельных крестьянских разрозненных единиц, следов от отсталой примитивной техники, от подчинения стихиям природы не останется, и крестьянство наше вздохнет облегченно. А вместе с ним вздохнет свободно и вся наша страна, которая и на этом поприще труда — в сельском хозяйстве — подчинит стихию воле (аплодисменты).

Товарищи, за неимением времени я не могу дольше останавливаться на этой теме и отсылаю вас к книге Маркевича „Межселенные тракторные станции“, которая вся проникнута энтузиазмом социалистического строительства и вся дышет плотью и кровью самой жизни. Там вы увидите богатые страницы, которые лучше моих слов покажут вам, в каких условиях, при какой отчаянной борьбе, при каком сопротивлении кулацкой верхушки осуществляется программа строительства социалистического сектора.

Как мы рассчитываем поднять продукцию наших совхозов и колхозов? Вы видите на этой карте, что они идут на восток. Они разрешают хлебный вопрос, самый основной вопрос зернового хозяйства. Ясно, что только разрешив хлебный вопрос, мы сможем подойти к разрешению других вопросов сельского хозяйства. Вы знаете, как на вопросы зерна натывается наше животноводство, наши технические культуры и т. д. Вы знаете, что происходит, какие скачки, какие колебания наблюдаются в производстве льна, хлопка и других технических культур. Специальные районы наши, в которых должно преобладать животноводство или технические культуры, могут развиваться только тогда, когда они будут уверены в том, что за ними стоит прочная хлебная основа, когда они будут уверены, что будут удовлетворены их потребности в зерне.

Ясно, что мы можем проектировать такую сеть совхозов, которая охватывает 5 млн. га в это пятилетие, только опираясь на силы поднявшейся индустрии.

Механический рычаг, который необходим нам в виде тракторного производства, в виде сел.-хоз. машин, которые мы будем вырабатывать в год на 610 млн. руб., является решающим для успеха этого великого похода. Товарищи, но здесь, на наших глазах развернется весьма любопытная картина некоторой борьбы между двумя могучими силами, которые мы бросаем в наше сельское хозяйство, на наши сельскохозяйственные угодья за пятилетие — борьбы химии и механики. Если это движение зерновых совхозов в восточном направлении предreshается развитием механизации, то, не забывайте, что в центре, как-раз в районах индустриальных, потребляющих, мы имеем до 3 млн. га бросовых земель. В чем дело? Ведь здесь, в этих районах почва такая же, как и в Германии, не хуже. Они находятся бок о бок с важнейшими индустриальными центрами, а мы продолжаем иметь рост этих бросовых земель. Как покончить с этим? Наши химики, наши агрономы показывают нам ясную дорогу, по которой можем мы здесь пойти. Они говорят о том, что мы можем здесь путем сравнительно элементарных мер, путем употребления фосфорной муки, известкования и т. д. создать ту европейскую обстановку интенсивного сельского хозяйства, которая соответствует важности этих центров по их политическому и географическому положению, создать на манер Германии интенсивное хозяйство путем применения усиленного удобрения, правиль-

ного многополья и т. п. Отсюда важность этой программы — 8 млн. тонн удобрительных туков, отсюда важность всей той химической промышленности, о которой вам будет подробно докладывать тов. Куйбышев. Этим путем разрешается не менее важный вопрос для сельского хозяйства, вопрос об интенсивном сельском хозяйстве, вопрос о правильном использовании земель потребляющих районов.

Только теперь создались условия, когда силы подрастающей индустрии, механической и химической, дадут возможность правильного подхода к нуждам сельского хозяйства и только теперь огромная масса трудящегося крестьянства ясно увидит, что их товарищи рабочие, там, в своих индустриальных центрах, действительно за это время сделали величайшую работу и могут ныне бросить на поле их крестьянского труда все, что нужно как по линии химии, так и по линии механики.

Как только мы нащупали возможность работы с тракторами, как только мы наметили первые вехи обобществленного сел.-хоз. сектора, так сейчас же поднялась такая волна крестьянского движения в колхозы, которая обеспечивает нам встречный поток живой энергии, небывалый, невозможный прежде, который в соединении с материальными силами индустриального государства поможет нам реализовать сел.-хоз. программу в целом. Отсюда создалась у нас такая уверенность, что это — реальная программа, что она ныне отвечает самой нашей живой действительности. Наблюдения показывают, что колхозное движение, как бы еще много ни было в нем отрицательного, сколько бы ни было в нем недостатков в смысле глубины обобществления, в смысле вредной мелкости колхозных единиц, что оно период детских болезней пережило, что оно быстро изживет все недостатки, если мы сумеем правильно наладить государственные организационные приводы, чтобы помочь встать ему быстрее на рациональные рельсы. Нет сомнений, что эта гигантская программа строительства сел.-хоз. социалистического сектора — не менее 27 млн. га¹ — будет выполнена. Имейте в виду, товарищи, что и Германия и Франция имеют посевной площади все по 20 млн. га. Это одно уже свидетельствует о громадности программы 27 млн. га обобществленного сектора. Мы будем поддерживать его и впредь всей мощью индустриального организма страны, оживим его надлежаще подготовленными силами, которые создаются из людей, по классовому своему признаку склонных к боевому союзу с городским пролетариатом. Эти силы выросли из нашего прошлого, благодаря правильно намеченным нашей партией вехам, учету всех действующих в экономике и технике сел.-хоз. труда сил и средств.

Что же нам в конце пятилетия дадут эти 27 млн. га земли? Они дадут нам свыше 43% всей товарной продукции хлеба, т.-е. как-

¹ Из них 22 млн. га приходится на колхозы и 5 млн. га, как минимум, на совхозы.

раз будут противостоять теперешним 40%, находящимся во враждебных руках. Они сделают нас в это же пятилетие господами положения на хлебном рынке. Они не допустят на нем контр-революционных маневров враждебных нам сил.

Но, товарищи, если взять всю сельскохозяйственную продукцию, то все-таки свыше 70% в это пятилетие останется в руках индивидуальных крестьянских хозяйств. Но и эти индивидуальные хозяйства к концу пятилетия не будут уже такими, как сейчас. Вспомните только один момент, который стоит подчеркнуть, чтобы вам было ясно то изменение, которое произойдет в обстановке и жизни индивидуальных крестьянских хозяйств. Вспомните то, что мы называем контрактацией. Это, в последнем счете, заключение генерального договора с крестьянами, с целыми районами, по которому кооперация получает в свои руки возможность производственного воздействия на целые сельскохозяйственные массивы, при котором мы гарантированы в приобретении хлеба от всяких случайностей рынка. А крестьянство гарантировано необходимыми денежными и материальными авансами, в своевременном удовлетворении своих производственных нужд. Вы знаете, что Хлебоцентр уже в нынешнем году празднует большую победу. При нынешних, крайне трудных условиях, когда далеко не налажен аппарат Хлебоцентра и когда наши возможности пойти навстречу крестьянству в его производственной работе не так широки, как нам хотелось бы, тем не менее, по справке от 1 января 1929 г. мы имеем следующие данные. По плану всего предполагалось заарендовать по яровым посевам в весенней посевной кампании 4.630 тыс. га, а фактически первоначальная программа уже превзойдена почти втрое. Что это показывает? Это показывает, что здесь перед нами новый огромный рычаг, который мы только что пускаем в ход и который, конечно, в системе этих генеральных договоров, в системе новой производственной спайки пролетариата и крестьянства по линии сел.-хоз. кооперации даст возможность исключительно мощного воздействия на огромный индивидуальный крестьянский сектор. Если мы еще вспомним про те 20 млн. населения, которые будут сконцентрированы к концу пятилетия в колхозах и совхозах, то придем к заключению, что рост крестьянских индивидуальных хозяйств, крестьянских дворов, не только не увеличится, а сократится на 1 млн. с лишним. Таким образом, вы видите, что впредь это противопоставление частного сектора и сектора обобществленного совершенно изменится и в смысле численности, а ведь тут важна не только численность. Тут важно то, что от этого обобществленного сектора идет, помимо непосредственного втягивания в свою собственную округу, целый ряд воздействий, при которых в глазах самых широких масс крестьянства померкнут надежды жить по старинке, устраивать свое благополучие так, как устраивают его кулаки. Заметьте, что постановление Центрального исполни-

тельного комитета, где намечается огромный сдвиг урожайности путем простейших агрономических мероприятий, в значительной степени рассчитано на эти новые растущие силы в сельском хозяйстве, в его социалистическом секторе. Для того чтобы обеспечить программу этого декрета относительно чистосортных семян, нужно не больше, не меньше, как 120 млн. центн. А где могли бы мы заготовить эти чистосортные семена, если бы не росло хозяйство совхозов и колхозов, если бы не были в будущем развернуты огромные операции строительства Зернотреста, если бы мы не знали, что по следам Зернотреста идет Сахаротрест, если бы мы не были уверены, что крестьянство вблизи наших совхозов и колхозов, даже не будучи втянуто в непосредственную их работу, будет получать от них огромную материальную и агрономическую помощь. В последнем счете, товарищи, мы рассчитываем, что всеми этими мероприятиями как по технике, так и по социальному строительству, мы проведем всю нашу сел.-хоз. программу в жизнь. Мы надеемся, что увеличим нашу посевную площадь на 22%, что сумеем за пять лет увеличить урожайность не менее чем на 35%. Это означает, что к концу пятилетия, в последние годы его, мы будем иметь не только большой хлебный резерв в руках государства, но сможем восстановить и наш сел.-хоз. экспорт, что он будет определяться весьма приличной цифрой от 8 до 5 млн. тонн возможного к вывозу хлеба. Для того чтобы осуществить эту программу, мы намечаем неукоснительно следовать тем кооперативным вехам, о значении которых так прекрасно сказал в свое время тов. Ленин, развивая свой великий кооперативный план.

Трудно переоценить значение сел.-хоз. кооперации, на которую как-раз обрушатся главные заботы не только по линии контрактации, но и вообще по линии широчайшего производственного воздействия на крестьянское хозяйство. Мы поднимаем промышленность по переработке сел.-хоз. сырья так, что к концу пятилетки ее продукция будет свыше 3,5 млн. руб. Если мы прикинем стоимость нужного для этого сел.-хоз. сырья, то окажется, что это даст около двух миллиардов рублей. Такая переработка в значительной степени пойдет по ячейкам первичных заводов сел.-хоз. кооперации. Эти два миллиарда рублей составляют 40% всей товарной продукции сельского хозяйства. Так мощно скажется работа сахарных заводов, всевозможных предприятий по переработке текстильного сырья — льна, хлопка и т. д. Здесь новые рычаги, для того, чтобы индивидуальное крестьянство почувствовало всю мощь, все значение развития индустриализации для непосредственного решения его собственных хозяйственных судеб.

Эта сел.-хоз. программа в общем потребует 23 миллиарда рублей. Из них около 7 млрд. пойдут на жилищное строительство, а из остальных 16 млрд. — 9 млрд. находятся как-раз в таком обороте, на который государство, кооперация или хозорганы так или иначе воздействуют, так или иначе его регулируют. Таким образом, и с этой

стороны видна мощная спайка сельского хозяйства с индустриальным и государственным или, вообще говоря, советским социалистическим приводом.

Разрешите мне не останавливаться на том громадном сдвиге, который мы намечаем по техническим культурам: хлопководству, свекловодству и льну. Здесь мы рассчитываем обеспечить высокие темпы легкой промышленности и свести зависимость от иностранного хлопка к минимальным размерам. Таким образом, товарищи, в сумме этих мероприятий пятилетие покажет воочию, не словами, а делом, как в единственной свободной от капитализма рабоче-крестьянской стране мира, смело, четко, безбоязненно подходят к решению такого вопроса, решить который не дерзала ни одна власть в мире. Ленин говорил, что это выведение многих и многих миллионов трудящихся из деревенского тупика под силу только диктатуре пролетариата. Посмотрите на опыт Северного Кавказа. Уже сейчас этот опыт показывает нам — через море производственных совещаний, через быструю стройку обобществленного сектора, через совхозы типа „Гигант“, через борьбу за агроминимум, — как быстро этот уголок, который недавно еще был опорой контр-революции, который был казацкой Вандеей, как он делается все более мощным соратником пролетариата, как пролетариат, пришедший туда на великую работу, быстро становится умелым руководителем огромных масс крестьянства, проснувшихся к новой жизни (аплодисменты).

Товарищи, я должен очень сокращать свое изложение, потому что программа пятилетнего плана, даже в таких условиях, когда промышленность будет излагать другой товарищ, настолько велика, что можно, только отчасти пройдясь по ней, уложиться в часы, допустимые для устного доклада.

Транспорт

Мы говорили об энергетике, о топливе, об электрической энергии, говорили о разрешении хлебного вопроса. Но есть еще великая задача, не разрешив которую мы в этой огромной стране, занимающей одну седьмую часть поверхности земной суши, будем беспомощны. Это — транспортный вопрос. Вот вам на карте сеть железных дорог, которые мы будем строить в это пятилетие (аплодисменты). Карта говорит без моих слов. Дело в том, что работа тружеников транспорта за прошлое пятилетие показала нам, какой мощный отряд имеем мы в их лице. Вспомните, как враги наши надеялись, что рядом с топливной и хлебной разрухой транспортная разруха сорвет наше хозяйство. Вспомните, как многие ученые работники сомневались в том, чтобы можно было быстро поставить на рельсы, быстро поставить в нормальные условия разрушенный после войны транспортный механизм. И, однако, уже сейчас мы можем сказать, что за истекшее время мы не только восстановили нашу железнодорожную сеть — этот важнейший член транспортной

сети, — но увеличили ее мощность на 18 тыс. км. Задачи строительства таковы, что мы должны в это пятилетие дать новых железных дорог не менее 18—20 тыс. км. Вы видите, как расположены эти дороги, какие задачи они разрешают. Я бегло вам их охарактеризую.

Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание лесовозные и, частично, колонизационные дороги; их будет около 3 тыс. км. Наиболее крупная лесовозная дорога соединяет ЦПО с Печорским краем. Средний участок ее (Усть-Сысольск — Котласская дорога) должен быть закончен в течение пятилетия. Должны быть закончены также отдельные участки лесовозной магистрали Сорока — Котлас. В Сибири преимущественное значение будет иметь дорога Томск — Енисейск. На Урале две лесовозных магистрали: Тавда — Тобольск и Надеждинский завод — Ивдель.

Сельскохозяйственные и частично линии переселенческого значения намечены протяжением около 7.800 км. Наибольшее развитие получает Казакстан, где, кроме Туркестано-Сибирской магистрали, намечены железные дороги: Боровое — Акмолинск, Орск — Актюбинск, Кустанай — Акмолинск и ветви. Далее следует юго-восток: линии Троицк — Орск, Оренбург — Уральск и Саратов — Миллерово. Крупное сельскохозяйственное значение будет иметь большая магистраль западного Урала на участках Пермь — Уфа и Уфа — Оренбург. На Украине строительство линий сельскохозяйственного значения развивается довольно широко: Федоровка — Скадовск, Армянск — Херсон. Большая часть проектируемых в Закавказьи линий, наряду с другими задачами, имеет и сельскохозяйственное значение. Таковы: Черноморская, Баку — Джульфа, Евлах — Нуха.

В Средней Азии линии: Чарджуй — Нов. Ургенч (б. Хива), Термез — Дюшамбе.

Горнопромышленные и промышленные дороги: около — 2.000 км. Сюда, прежде всего, приходится отнести ж.-д. строительство в Донбассе, обслуживание Ткварчельских копей на Кавказе, сооружение Магнитогорской линии, сооружение линии Рубцовка — Риддер, линии от станции Яр, Пермской дороги, к вятским фосфоритам.

Наконец, 3.000 км составят так называемые разгружающие и спрямляющие линии. Из них 1.000 км мы будем держать в бесплутульном резерве, чтобы бросить их по определенному назначению в случае дальнейших конкретных нужд железнодорожного строительства.

Основная и величайшая транспортная проблема, которую мы должны будем решительно пройти, — это проблема сверхмагистрализации Великого Сибирского пути. Осуществление нашей сельскохозяйственной программы приведет к значительному изменению нынешнего удельного веса сельскохозяйственных районов. Для снабжения потребляющих районов особое значение приобретут хлеба Сибири и Казакстана, тогда как хлеба Украины и Северного Кавказа будут иметь, по преимуществу, экспортное назначение. Таким

образом, важнейшие хлебные грузы требуют дальнейшего упорядочения Великого Сибирского пути. Ни одна дорога не растет так быстро по своей нагрузке, как Сибирская магистраль. Сравнительно элементарными средствами мы можем так изменить тип этой дороги, чтобы себестоимость перевозок по ней уменьшить в $2-2\frac{1}{2}$ раза. Это означает, что мы приблизим к себе Сибирь с ее новыми разветвляющимися великими хозяйственными возможностями экономически в $2\frac{1}{2}-3$ раза. Это означает, что мы попутно разрешим не только проблему подачи кузнецкого угля на Урал, но и сможем сделать его конкурентоспособным с донецким углем в подходах к железнодорожному московскому узлу. Это гигантский шаг вперед для будущей разгрузки Донбасса от непосильной работы.

Исследования хлебного производства в Сибири показывают, что быстрый сельскохозяйственный подъем ее объясняется благоприятными условиями себестоимости хлебопродукции. Проведением великой Сибирской сверхмагистрали мы произведем новую сельскохозяйственную революцию в Сибири. Осуществление этого грандиозного строительного задания пойдет осторожными, последовательными этапами. В течение первых трех лет должна быть закончена постройка новой дороги Курган—Свердловск с переустройством существующего участка Синарская—Шадринск. Это новое направление проводится с пологими уклонами, каковая работа производится и на участке Сибирской магистрали Курган—Новосибирск. К западу от Урала, на Казанской дороге, строится второй путь от Свердловска до Шемардана и новая линия от Шемардана до Нижнего Новгорода с двухпутным мостом через Волгу.

Общая стоимость работ по осуществлению Сибирской сверхмагистрали определяется суммой порядка 220 млн. рублей.

Значение этой работы для всего нашего хозяйства трудно переоценить, и мы должны это великое дело во что бы то ни стало осуществить (аплодисменты).

Товарищи, другая задача большой важности — это упорядочение транспорта донецкого угля. Пока что мы спасаемся от перегрузки дорог этим угольным потоком, направляя его веерно по четырем дорогам. Вместе с работниками НКПС нам предстоит разрешить задачу удешевления углеперевозок из Донбасса и обеспечения их бесперебойности. Здесь перед нами тот же вопрос о сверхмагистрализации, при чем много шансов за ту электрификацию Московско-Курской железной дороги, которой, по плану ГОЭЛРО, обеспечивалась связь Донбасса с северными промышленными центрами.

Пару слов о речном транспорте. На карте освещается синяя линия Волго-Донского канала. Проекты этого сооружения, детальные и тщательные, мы уже выработали и даже демонстрировали их в Берлине и Париже. Вспомните, что Владимир Ильич говорил о Волго-Донском канале, называя его таким транспортным рычагом, который перевернет всю энергетику юго-востока. Сейчас мы

с особой ясностью видим, насколько он был прав. Подсчеты показывают, что при осуществлении Волго-Донского соединения водный транспорт донецкого угля по Волге на расстоянии около 2.500 км от Сталинграда будет обходиться столько же, сколько будет стоить перевозка по железной дороге на 250 км. Это значит, что мы таким путем включаем все Поволжье в непосредственную округу Донбасса. Это значит, что мы подойдем к волжскому хозяйству с новым решающим орудием его подема. Таким путем мы быстро излечим основной недуг Поволжья — бедность собственными энергетическими ресурсами. Таким образом, великая крестьянская река прошлого превратится в могучий индустриальный хребет. Вот когда волжская промышленность сможет расцвести и наше индустриальное движение на восток сделает громадный шаг вперед. Не забудьте, что запасы топлива и хлеба на этой артерии имеют, кроме того, и особое обобщенное значение.

Если сравнивать наши расходы на новое железнодорожное строительство с расходами на преобразование и улучшение существующей железнодорожной сети, то мы увидим, что последние расходы значительно выше и составляют более 3 млрд. руб. за пятилетие. Разрешите мне не останавливаться подробно на работах этого рода. Реконструкция железнодорожного транспорта в намеченном нами масштабе возможна только потому, что мы предварительно уже подправили нашу тяжелую индустрию и так развиваем ее дальнейший темп, что она, по нашим расчетам, полностью может удовлетворить все нужды транспорта в паровозах, вагонах, рельсах и вообще по металлу. Тов. Куйбышев подробно расскажет вам о транспортных работах в промышленности. Отмечу кратко, что реконструкция транспорта, между прочим, основана на введении тяжелых паровозов серии „Э“ (80-тонных), большегрузных вагонов, автоматической блокировки железнодорожных постов, автоторможении товарных поездов и т. д. Мы рассчитываем, что в результате себестоимость транспортных услуг понизится на 30%, расходы топлива упадут на 13%, а производительность труда транспортников возрастет на 60%.

Следует с особой силой подчеркнуть громадное значение в предстоящем пятилетии упорядочения местного безрельсового транспорта. Увеличение грузооборота железных дорог вдвое дает огромную сумму тоннажа перевозок, но еще больше возрастет грузооборот безрельсового транспорта, который, по нашим расчетам, должен превзойти 1 млрд. тонн.

Если в довоенное время наше бездорожье причиняло нам ежегодно убытки, оценивавшиеся примерно в 400 млн. руб., то в грядущее пятилетие, при нашем нынешнем безрельсовом транспорте, эти убытки возросли бы многократно. Отсюда задача — дать решительный сдвиг в строительстве и эксплуатации наших дорог с земельным полотном. Пятилетка предвидит расходы для этой цели в сумме свыше

1 млрд. рублей. Однако, это — лишь скромное начало. Америка нам показывает, как в настоящее время автотранспорт борется с паровым транспортом. Постройка автозавода в 100 тысяч машин в Нижнем Новгороде, усиление работы других наших автозаводов, намеченное по пятилетке, все это еще в далекой степени не позволяет нам догонять столь опередивший нас в этом отношении Запад. К пересмотру этих программ, к новой организации наблюдения за всеми безрельсовыми путями, привлечению в это дело материальных и трудовых ресурсов самого населения нам, очевидно, предстоит еще не раз возвращаться.

Столь же важно дать надлежащий сдвиг нашему речному хозяйству, которое даже не прошло всех стадий восстановительного периода. А между тем, наша богатая речная сеть по своей будущей роли в нашем хозяйстве заслуживает сугубого внимания.

За ограниченностью времени я не могу войти в дальнейшую характеристику наших транспортных задач.

Вопросы социально-экономические

Перейдем теперь к вопросам социально-экономического порядка. Отметим, прежде всего, что страна наша имеет такие приросты народонаселения, каких не знает капиталистический Запад. При населении в 150 млн. душ наш ежегодный прирост исчисляется в $3\frac{1}{2}$ млн., тогда как все население Европы в 370 млн. душ дает годичный прирост всего в $2\frac{1}{2}$ млн. душ. Уже этот гигантский рост населения затрудняет реализацию основного права советских граждан — права на производительный труд. Вспомним, что неиспользованный резерв сельской рабочей силы определяется нашими статистиками в 9 млн. человек. Число работоспособных возрастет за пятилетие также на 9 млн., да, кроме того, число безработных в настоящее время надо считать свыше 1 млн. Итак, пятилетний план, прежде всего, должен посчитаться с необходимостью дать этой огромной массе трудящихся постоянное занятие.

Чтобы правильно подойти к решению вопросов борьбы с безработицей, надо, прежде всего, тщательно исследовать ее корни. Сейчас же станет видно, что эти корни, прежде всего, связаны с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства, порождающей так называемое аграрное перенаселение. Оно чрезвычайно своеобразно. В страдную пору деревне нехватает рабочих рук, там вынуждены пускать в ход работу стариков и детей, а в обычное время — миллионы незанятых людей. Механизация земледелия, прежде всего, позволяет смягчить эти скачки по сезонам сельскохозяйственной работы, более равномерно распределить ее на длительные сроки. А затем, с помощью механизации, мы, как это мы видели выше, расширяем самое поле сельскохозяйственного труда и изменяем самое техническое лицо нашего сельского хозяйства, интенсифицируя земледелие, вводя переработку сельскохозяйственных культур

и целый ряд новых агрономических работ самых разнообразных разделов сельского хозяйства. Среди них под'ем зернового хозяйства облегчает специализацию районов, дает возможность усиленного развертывания животноводства и сосредоточения усилий на возделывании трудоемких технических культур.

Мы подвели некоторые балансы тех общих результатов по использованию деревенской рабочей силы, которые в цифровом выражении показывают нам хотя и с грубой приближенностью, но достаточно отчетливо, что получится в результате. В результате мы дадим за пятилетие таким путем добавочную работу более чем 8 млн. полновозрастных работников. Тем самым мы нанесем решительный удар самым корням нашей безработицы, ее деревенским истокам. Затем тот под'ем в промышленности, в городах, который намечается в нашей пятилетке, дает возможность использовать в разных областях приложения наемного труда еще до $2\frac{1}{2}$ млн. работников. В последнем счете мы рассчитываем, таким образом, уменьшить нашу армию городских безработных почти вдвое, снижая ее к концу пятилетки до наличности всего около 500 тыс. человек.

Не так дело идет на капиталистическом Западе. Здесь безработица на наших глазах растет из года в год. Заметьте, что в Соединенных Штатах число безработных в определенные периоды доходит до 4 млн. и более. В Германии число безработных насчитывается до 2 млн. и т. д.

В передовых индустриальных странах, товарищи, бешеная конкуренция приводит к необходимости сильнейшей технической реконструкции в промышленности. С трудящимися там при этом не считаются. Быть может, вы читали о тех автоматах, механических людях, которыми тамошние конструкторы думают нажать на живых людей. Такой автомат может стоять у распределительного щита на электрической станции и по словесному приказу производить те или иные операции на этом щите. Таков идеал современной капиталистической цивилизации, — куклой заменить человека.

Мы тоже решительно улучшаем техническое оборудование нашей промышленности, вооружаем наших рабочих новыми машинами, новым энергетическим вооружением. Но одновременно мы намечаем увеличение за пятилетие армии наших индустриальных рабочих на целых 38%. Социалистическая реконструкция промышленности, как видим, не похожа на капиталистическую ее реконструкцию.

Наши подсчеты показывают, что в то время как население страны возрастет на 11,8%, численность лиц наемного труда возрастет на 21%.

Большую роль в борьбе с безработицей будет играть перевод в это пятилетие всех рабочих на 7-часовой рабочий день. Сокращение годового срока работы на 159 часов, получающееся от этого перевода, уже одно даст нам возможность дать работу новым 300 тыс. рабочих фабрик и заводов. Следует подчеркнуть, что в то

время как продолжительность нашей рабочей недели в настоящее время 44,6 часа и будет доведена до 40,2 часа, за границей она колеблется от 47 до 49 $\frac{1}{2}$ час.

Интересно проследить, как будет обстоять за пятилетку дело с нашим народным доходом, основным источником нашего накопления. Ведь мы, товарищи, живем и будем жить не за счет американских дядюшек. По расчетам пятилетки, народный доход дойдет до 170 млрд. руб., т.е. примерно удвоится. Чтобы получить такой неслыханный в истории капиталистических государств результат, нам нужно только сохранить тот прирост душевого дохода, который мы имеем за последнее трехлетие. А ведь мы имеем шансы значительно поднять его вверх, ибо сильно поднимаем производительность труда во всех отраслях нашего народного хозяйства. Какова будет структура этого народного дохода? Вследствие сильного под'ема промышленности доля в нем сельского хозяйства падет с 46% до 39%. Роль частного сектора снизится с 47% до 33%. Продукция цензовой промышленности уже в 1927/28 г. была обобществлена на 98,3%. Частный сектор падает в ней за 5 лет с 1,7% всего до 1%. Паровой транспорт обобществлен уже на все 100%. Частный торговый оборот в рознице падает с 25% до 9%. Весь частный товарооборот в опте и рознице падал с 14% до 3,2%. Социалистический сектор сельского хозяйства за пять лет возрастет в 8 раз: с 1,8% до 15%.

Не менее интересно распределение дохода по социальным классам. Средний темп роста доходов для всех групп населения — 62%. Доход пролетариата возрастает вдвое. Прирост реального душевого дохода в городе 66%, в деревне 67%, т.е. примерно эти приросты одинаковы. Однако, как в городе, так и в деревне пролетарские и бедняцкие группы будут иметь особо высокий процент прироста душевого дохода. Беднота, объединенная в колхозы, повысит свой душевой доход на целых 79%.

В пятилетке мы проследили, как пойдут по разным группам деревенского населения из'ятия из деревни налогами и займами и поступления от бюджета и кредита. Затем мы учли то, что эти группы населения выиграют на изменении цен городских и сельских товаров. В последнем счете оказывается, что деревенская верхушка приплатит из своих средств государству около 1,5 млрд., тогда как бедняцко-середняцкая масса получит на 2 млрд. больше, чем отдаст.

Отдельно мы сделали расчет в изменениях того, что мы называем основными фондами страны. Это все ее капитальное имущество, весь ее производственный инвентарь. Теперь в этих фондах средства наполовину принадлежат частному сектору — так дает себя знать громадная наличность у нас индивидуального крестьянского хозяйства. Однако, к концу пятилетки социалистический сектор будет уже составлять две трети этих основных фондов.

Как будет у нас обстоять дело с заработной платой? Номинальная заработная плата индустриального рабочего возрастет при-

мерно на 47%. Но так как одновременно падет цена товаров, необходимых для содержания рабочего, или, как мы говорим, понизится бюджетный индекс, то реальная заработная плата возрастет не менее чем на 70%. Повышенный заработок рабочего, с нашей точки зрения, основа производительности его труда. Пятилетка предусматривает под'ем производительности индустриального труда на целых 110%. Только такой под'ем производительности труда сможет оправдать те наши расчеты, которые позволили нам сделать такие крупные ставки фактического под'ема заработных плат.

Как изменится рыночная обстановка к концу пятилетки? Те главные трудности, которые мы наблюдаем ныне в обороте сельскохозяйственных продуктов, очевидно, могут быть изжиты проведением той сельскохозяйственной программы, которую мы обрисовывали раньше. Мы показывали, каким путем мы устраним прорывы спекулятивных цен на сельскохозяйственные продукты. Это задача нелегкая, и мы сможем ее осуществить лишь напряженной работой ряда лет. С другой стороны, надо учесть, что предложение промышленных товаров, при увеличении всей продукции промышленности более чем в 2 $\frac{1}{2}$ раза, будет чрезвычайно мощно подкреплено. Учет соотношения спроса и предложения, конечно, весьма сложная задача. Чашки весов будут колебаться и от политики цен, и от роста заработков и доходов, и от всей суммы тех мероприятий, которыми советская власть воздействует на товарный и денежный рынок. Однако, не подлежит сомнению, что под'ем всех наших производственных отраслей дает нам в руки громадные средства для необходимого урегулирования рынка. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цифр: предложение сахара на рынке к концу пятилетки примерно удвоится; по сукну и шерстяным товарам увеличение примерно в 2 $\frac{1}{2}$ раза, по выработке подсолнечного масла в 2 $\frac{1}{2}$ раза, снабжение чаем намечается поднять в 4 раза. Особые усилия, как это мы видели раньше, мы будем прилагать для удовлетворения производственного спроса крестьянства: предложение сельскохозяйственных машин возрастет в 4 раза, химических удобрений в 30 раз.

Подчеркнем, кстати, еще раз, что жилищное положение индустриальных рабочих резко изменится к лучшему: ведь мы вкладываем в это дело за пятилетие около 5 млрд. рублей.

Ограничусь этим беглым очерком основных социально-экономических сдвигов в пятилетие.

Кадры и культура

Спросим себя, какой дальнейший вопрос является для нас решающим для стопроцентного выполнения заданий нашей пятилетки? Это, товарищи, несомненно, вопрос о кадрах живой силы, о подготовке ее в различных по квалификации разрядах, о подготовке для нее над-

лежащей расширенной смены. При проработке пятилетки в разных коллективах и в разных органах везде эти вопросы выдвигались, как важнейшие. Кто и как будет работать? Подготовлен ли наш живой труд к той сложной машинной технике, которой мы его окружаем, к тем огромным задачам как строительного, так и эксплуатационного порядка, которые стоят перед нами во всех хозяйственных областях? Вы знаете, как много детских болезней во всем нашем капитальном строительстве. Только вооружившись везде и всюду надлежащими кадрами, можем мы быстро справиться с нашей неопытностью в предстоящих задачах огромного строительства и преобразования хозяйства.

Но вопрос о кадрах теснейшим образом сплетается с вопросами всей нашей культурной работы. Владимир Ильич не даром говорил: „Победить с народом темным, неграмотным нельзя“, и поэтому, прежде всего, приходится себе задать вопрос: как мы поведем в это пятилетие борьбу за грамотность и за элементарное обучение.

В тех томах пятилетки, которые вам розданы, намечено ассигнование на дело просвещения целых 15 млрд. Но когда мы вновь начали прощупывать вопрос всеобщего обучения, ликвидации неграмотности, вопросы о школах I ступени, об их педагогическом персонале, вопросы использования новых гигантских рычагов современной культуры — кино и радио, могущие дать нам исключительные средства для культурного общения с широчайшими массами трудящихся, когда еще и еще раз продумали необходимость быстрее сжатия культурных „ножниц“ между нами и Западом, то мы пришли к выводу о необходимости добавочной ассигновки на дело просвещения дополнительно 1 млрд. руб.

Как же расширена наша строительная культурная программа? Мы хотим добиться, чтобы к концу пятилетия в активном рабочем возрасте не осталось ни одного неграмотного в нашей стране (аплдисменты). Мы хотим, начиная с 1929/30 г., приступить к введению всеобщего обязательного начального обучения, охватить школой всех детей в возрасте от 8 до 11 лет, пропуская через особые школы всех переростков в количестве 3 млн. человек (12 — 15 лет). Мы хотим ликвидировать неграмотность среди всего городского и сельского мужского и женского населения в возрасте до 40 лет, а среди рабочих — в возрасте до 50 лет. Отступления могут быть только для особо отсталых районов при особо неблагоприятных обстоятельствах. Контингент начальных школ придется поднять до 16 млн. человек. Ликвидацию неграмотности придется связать в селах с обучением известному минимуму сельскохозяйственных знаний, а в городах — с некоторым техническим обучением. Через школы ликбеза мы предполагаем за пятилетие провести 18 или 19 млн. человек. При таких условиях процент грамотности по всему Союзу к 1932/33 г. поднимется выше 80%.

Придется широко развить сеть изб-читален, народных домов и клубов. Надо поставить дело так, чтобы среди широких кругов рабочих и крестьян создалась большая тяга к этим учреждениям. В частности, я думаю, что пропаганда нашего пятилетнего плана должна также найти себе место и во всей школьной сети и в главнейших просветительных учреждениях. Мы предполагаем громадный под'ем тиража наших газет, более чем удвоение этого тиража, и мощный под'ем всей нашей печати, который потребует заново пересмотреть и ставки нашего полиграфического дела и всего писчебумажного производства. Учебники, популярные технические книги — вот что должно быть выдвинуто на первый план. Число киноустановок должно быть поднято с нынешних 8 тысяч по всему Союзу до 50 с лишним тысяч к концу пятилетки. Число кинопосещений должно перевалить за 1,5 млрд.

В этом деле мы должны поставить перед собой определенную задачу: изжить за пятилетие иностранные отравляющие трудящихся кинофильмы, дать им такие картины, которые поднимали бы их культурно и воспитывали бы их в нашем социалистическом духе (аплдисменты).

Один из главнейших вопросов — это вопрос о школьных учителях. Армия наших учителей составляет в настоящее время свыше 200 тыс., к концу пятилетия она более чем удвоится. Будем помнить все то, что говорил Владимир Ильич о значении для нас школьного учителя. Доведем его заработок до заработка квалифицированного рабочего. В городах это будет составлять около 100 рублей. Будем помнить, что в селах нам необходим учитель, как первый помощник агронома и всего производственного актива деревни.

Мы более, чем удваиваем бюджет здравоохранения, изменяя его первоначальные цифры и ставя перед собой задачу увеличить в 1½ раза нынешнее количество врачей. Их заработок должен быть доведен до довоенного уровня. Более всего придется обратить внимание на отсталость медицинского обслуживания нашей деревни.

Вопрос особой важности — вопрос о выработке новых инженеров, техников и агрономов. Нам требуется совсем иной тип этих работников, чем тот, которым довольствовались в довоенное время. Вы знаете, что мы намечаем для студентов наших вузов работу на фабриках и заводах еще в период обучения. Надо, чтобы наша техническая молодежь варилась в самом фабричном котле, чтобы она дышала его воздухом. Придется организовать широкую переквалификацию действующих кадров промышленных рабочих. Здесь задача двойного порядка: современная техника чревата быстрыми изменениями обстановки труда. Необходимо поэтому поднять общие политехнические навыки рабочих, их предварительное общее обучение. Но одновременно приходится думать и о быстрых технических навыках определенного профессионального характера. Потребуются боль-

шие средства и большое организационное педагогическое искусство, чтобы с толком переквалифицировать свыше 1 млн. индустриальных рабочих на фабриках и заводах и создать огромный пятимиллионный крестьянский актив обученных таким образом, чтобы не растеряться при трудностях строительства социалистического сектора деревни. Должна быть пущена в ход система всевозможных краткосрочных курсов, система заочного обучения живой и разнообразной практики. Сеть радио предполагается мощно развить. Радио должно быть доступно 50% рабочих квартир. Надо стремиться к тому, чтобы по крайней мере треть крестьянских дворов имела возможность слушать радио. (Аплодисменты.) Это — огромная программа. Но если вспомнить, какие надежды Владимир Ильич возлагал на радио, то жалеть здесь средств не приходится.

Я позволю себе прервать на этом мою краткую информацию по культурно-социальному строительству.

Финансовый план

Товарищи, подводя общие итоги, вы, наверное, задаете себе вопрос, откуда же возьмутся средства для осуществления этого громадного хозяйственного плана, продумана ли финансовая сторона дела в пятилетке?

Не так давно Госплан посетил один американский исследователь. Он собрал большую литературу по нашему бюджету, засел за ее изучение, но вынужден был сознаться, что он ничего не может понять в наших бюджетных расчетах. По форме наш бюджет как будто бы такой, как в иностранных государствах, но связать в нем концы с концами по тем приемам, как это делается за границей, он никак не мог. Это вполне понятно. Наш бюджет только по форме походит на бюджет капиталистических государств, по существу же он не имеет с ним ничего общего. У нас нет такой пропасти между ресурсами государства и его хозяйственным и общественным окружением, какая неизбежна при частной собственности на средства и орудия производства. Наши соцстрах, профсоюзы и кооперация совершенно своеобразно смыкаются с нашей финансовой системой и в последнем счете наш бюджет может быть расшифрован лишь, как часть гораздо более широкого финансового плана.

В нашей пятилетке вы найдете достаточно материалов, могущих вам осветить характер того финансового плана, который учитывается нами во всем нашем хозяйственном плане. Вы увидите, что мы были достаточно осторожны с подсчетом наших финансовых ресурсов и весьма считались со всей нашей предшествовавшей в этом отношении практикой. За пятилетие нам приходится мобилизовать 86 млрд. руб. денежных ресурсов. Эти средства мы можем почерпнуть только из нашего собственного народного дохода. Этот народный доход исчисляется нами в 170 млрд. руб. Таким образом, мы хотим мобилизовать 50% всего дохода. Такая мобилизация средств обычно

наблюдается в условиях военного времени. Но в таком случае эти средства бросаются в жерло войны, в результате чего всегда наступает послевоенное хозяйственное расстройство. Мы же мобилизуем их прежде всего для подкрепления действующего производственного механизма. Они идут на оплодотворение нашего производственного труда, и мы настолько уверены в положительных качествах нашей хозяйственной программы, что к концу пятилетия ожидаем не падения, а повышения покупательной способности труда. В пользу этого говорит также уже практика нашего прошлого. Уже в 1928/29 г. нам удалось мобилизовать 38% народного дохода. Остается пройти только 12 точек в испытанном направлении. Рост бюджета намечен гораздо более медленный, он охватит только 30% народного дохода. Это потому, что заметно растут и крепнут средства самих наших производственных организаций. Главные составные части нашего финансового плана таковы, что свыше половины приходится на бюджетную систему, около пятой доли — на собственные средства хозяйственных организаций, десятую часть составляет соцстрах, а остальное приходится на кредитную систему и прочие источники.

Наша уверенность в доходных статьях финансового плана такова, что мы идем почти на стабилизацию сел.хоз. налога и теряем целые миллиарды на снижение выработки водочных напитков. Если теперь на душу населения приходится 5,9 литра, — а это в два раза меньше, чем было в довоенное время, то к концу пятилетия мы сокращаем потребление хлебного вина в городах на 70% и значительно сокращаем его потребление в деревне. Общее потребление хлебного вина падает до 2,04 литра на душу. Если же удастся удачно повести борьбу с самогоном, опираясь на новые силы культурного под'ема масс, то мы пойдем в этом отношении и далее.

Какова структура расходов по финансовому плану? Примерно две трети мобилизуемых средств идут на финансирование народного хозяйства. Резко выдвигается вперед расход на социально-культурные потребности. Они составят огромную сумму свыше 23 млрд. руб. — более одной четверти всех мобилизуемых нами средств. Зато с величайшей осторожностью намечены расходы по содержанию административно-государственного аппарата. Не приходится сомневаться, что финансовый план сведет концы с концами, если будет выполнена вся основная производственная программа пятилетки. В ней, несомненно, центр тяжести. Вот иллюстрация. Мы намечаем снизить себестоимость промышленной продукции на 35%, а отпускные цены товаров — на 24%. Что дает этот разрыв в 11 точек? Он дает в финансовом плане огромную сумму свыше 7 млрд. руб. Каждый процент снижения себестоимости промышленной продукции в разрезе пятилетки выражается в сумме 600 млн. руб. Каждый процент снижения себестоимости строительства в финансовом плане составляет 400 млн. руб. Здесь должен быть центр вашего внимания. Грудью боритесь за эти достижения! Не менее 35% снижения промышленной

себестоимости! Не менее 50% снижения стоимости строительства, не менее 20% снижения себестоимости транспортных услуг! Вот что должно быть перед вашими глазами. Этим мы покажем, что мы — страна, рассчитывающая на силу своих собственных мышц. В нашем финансовом плане иностранные займы дают прирост на сумму меньше 1 млрд. руб., а наша кооперативная система, только что выпрямляющаяся во весь свой могучий рост, учитывает в финансовом плане паевые взносы на целых 3 млрд.

Этот финансовый план показывает, что, обращаясь к зарубежному миру с некоторыми кредитными запросами, мы идем к нему не как нищие, а в твердой уверенности, что эти кредиты обоюдовыгодны (аплодисменты).

Я должен оговориться, товарищи, что при обрисовке наших культурных задач я не коснулся нужд, громадных нужд нашего научно-исследовательского фронта. Я говорил вам, как нуждаемся мы в разнообразных геологических разведках. Так же велика наша нужда и по самым разнообразным направлениям научно-исследовательских работ. Грубые подсчеты показывают, что за это пятилетие мы должны будем здесь вложить целых 2 млрд. руб. Уже неразбериха с нашими экспедициями показывает нам, каким рассыпным является весь наш научно-исследовательский фронт. Нет никакого сомнения, что плановые рельсы здесь необходимы столь же остро, как и в самых ответственных областях нашего хозяйства.

Вехи пятилетнего плана должны помочь нам и в этом отношении.

З а к л ю ч е н и е

Товарищи, нет никакой возможности даже и в таком длинном докладе с достаточной полнотой исчерпать основные темы нашей пятилетки. Вам придется самим затратить огромный труд для того, чтобы по ее подлиннику продумать основные наметки. Здесь на помощь нам должна прийти мощная сила печати. Уже сейчас наша экономическая печать наполнена темами пятилетки. Не подлежит сомнению, что этот пятилетний план по другому будет принят страной, чем план ГОЭЛРО. Вы помните, как Владимир Ильич был озабочен, чтобы этот план по возможности скорее довести до сознания широких масс трудящихся. Как он мечтал о том, чтобы каждая школа, каждая электрическая станция были орудиями его пропаганды. Так, товарищи, не вышло. Тому же Владимиру Ильичу пришлось указать мне, когда я при первом открытии работ Госплана в 1921 году хотел центральным сделать вопрос о дальнейшей разработке и уточнении плана, что по обстоятельствам того времени, прежде всего, приходится вступать в непосредственную борьбу с надвигающейся разрухой. Конечно, план ГОЭЛРО был настоящей путеводной звездой для наших хозяйственных работников. Но для какой их части? Для их штаба. А вот теперь, товарищи, когда мы кончали пятилетку, мы все были поражены новым обстоятельством:

мы чувствовали, что материалы пятилетки уже рвут из наших рук, что страна, как будто вся мобилизована для восприятия и выполнения этого плана. На последнем V плановом съезде я отмечал, что то воодушевление, которое нас всех охватывает, идет к нам от тех колонн трудящихся, железная поступь которых нам слышна. Они идут сейчас на хозяйственном поле на свой последний и решительный бой (аплодисменты). (Голоса: правильно!)

Товарищи, газеты со всех сторон сейчас сообщают о великой волне социалистического соревнования трудящихся. Когда пробегаешь эти предложения рабочих — жертвовать своим заработком, своим праздничным досугом для того, чтобы быстрее осуществить грандиознейшую задачу создания нового строя промышленности и сельского хозяйства, то проникаешься горячей уверенностью в благоприятных судьбах настоящего плана.

В предисловии к плану ГОЭЛРО я писал: „Наша работа только началась. Она может служить лишь материалом для составления нового плана народного хозяйства, который необходим трудящимся, чтобы великие жертвы, понесенные ими на военном фронте, скорее оправдались на фронте экономическом. Но мы спокойны за наше строительство. Оно находится в крепких руках истинных строителей жизни, в стране освобожденного от корыстной эксплуатации труда“.

Эти слова сбылись. Такой план хозяйства находится в распоряжении актива нашей страны, актива крепких мозолистых рук. Я надеюсь, что вы утвердите его в основном и целом, как мощное орудие нашей дальнейшей борьбы. Вы вместе со мной скажете, что уже сейчас действительность говорит за то, что он подхвачен мощными руками истинных строителей новой жизни.

Конечно, мы не должны самообольщаться. Конечно, перед нами большие трудности. Мы знаем, что параллельно росту наших хозяйственных достижений мы самим нашим успехом обличаем неправду старого мира, ясно показываем, что он костлявыми пальцами полумертвеца вбивается в горло новой жизни.

Антагонизм капиталистического мира к нам неизбежно растет. Это создает в рядах наших попутчиков шатания, доходящие до измены. Шахтинские события имеют большое охвостье. Вы знаете, какие вероломные удары направлялись против нас нашими врагами. Но сами же шахтинцы должны были признать, что что-то перекрывало коварные замыслы. Откуда-то шла гигантская сила, которая делала тщетными все их усилия. Где эта сила? Эта сила в уверенной поступи пролетарских колонн, которые уже видят лицо новой жизни, которые уже знают, что они борются за великое мировое дело, которые не боятся никаких измен и мощно их преодолевают (аплодисменты).

Там, где великие достижения, там не может не быть великих трудностей. Те, кто боится этих трудностей, кто чрезмерно опасается

перебоев, те за деревьями не видят леса. Мы растем и крепнем. Передовые работники всего хозяйственного фронта уже убеждены в том, что старые довоенные масштабы нам не подходят. Мы уже с пристальным вниманием смотрим на рекорды передовых индустриальных стран, на рекорды Америки и Германии, мы видим, что с каждым годом крепнем для борьбы на мировом рынке.

Мы убеждены в том, что и другая надежда шахтинцев — надежда посеять разрыв между пролетариатом и крестьянством — иллюзорная надежда. С каждым последующим годом широкие крестьянские массы все отчетливее будут видеть, что им нет выхода в формах кулацкого благополучия, что единственный решающий выход — это спайка с пролетарским государством, скорейшее осуществление огромных работ по строительству социалистического сектора в деревне.

Накануне составления плана ГОЭЛРО Владимир Ильич писал мне:

„Нельзя ли добавить план не технический (это, конечно, дело многих и не скоропалительное), а политический или государственный, т.е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (примерно перебрать Россию всю, с грубым приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию „электрической“.

Я думаю, подобный „план“ — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то (тыс. или миллионов лш. сил или к. у.?? чорт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще примерную карту России с центрами и кругами, или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь массу рабочих и сознательных великой программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону. Ваш Ленин.

Красин говорит, что электрификация желддоргов для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? Может быть, на Урале возможна?

Не сделать ли особой статьи о „государственном плане“, сети электрических станций, с картой или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо и мы поговорим“.

Как ни несовершенно изложение мною плана, думаю, что я все же показал вам, что такой политический план, о котором говорил Владимир Ильич и который действительно может мобилизовать около себя миллионы, вы теперь имеете в своих руках. Прошу осветить карту. Дайте электростроительство, дайте топливо, транспорт, металл, текстиль, химию, дайте всю строительную программу пятилетия. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи, работая большим коллективом, памятуя те указания, которые делал нам наш великий вождь, руководствуясь прямыми директивами нашей партии, обращаясь ко всем доступным нам достояниям научной мысли, мы старались честно исполнить задачи разработки пятилетнего плана. Мы думаем, что в нем мы идем по ленинским вехам, что мы помогаем, таким образом, разуму и воле рабочих и крестьян подняться до высот строительной мысли их великого вождя. Владимир Ильич говорил, что только одно условие необходимо для полной победы на экономическом фронте. Он говорил, что для этого нужно создать здесь такое же единство мысли и воли, какое создавалось у нас во время войны. Мы надеемся, что этот план поможет создать такое единство воли. Творческая мысль рабочих и крестьян поднимется по ленинским вехам на огромную высоту, и оттуда, как могучий энергетический поток, она будет мчаться на гигантское поле нашего труда, на подобие великой энергетической установки, своей организованной работой сокрушающей все препятствия.

Она доведет дело строительства социализма до победоносного конца! (Бурные аплодисменты. С'езд поет „Интернационал“.)